

БАЛАХНИНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

МАРИЯ
КАРТАШОВА

Кристаллы
балахнинской соли

Администрация г. Балахны
выражает благодарность предпринимателю
БОРИСЕНКО ВАДИМУ ЭДУАРДОВИЧУ
за помощь в издании книги.

На память
с наилучшими
пожеланиями.

Л. Воробей

Москва
2002
Евразия+

БАЛАХНИНСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

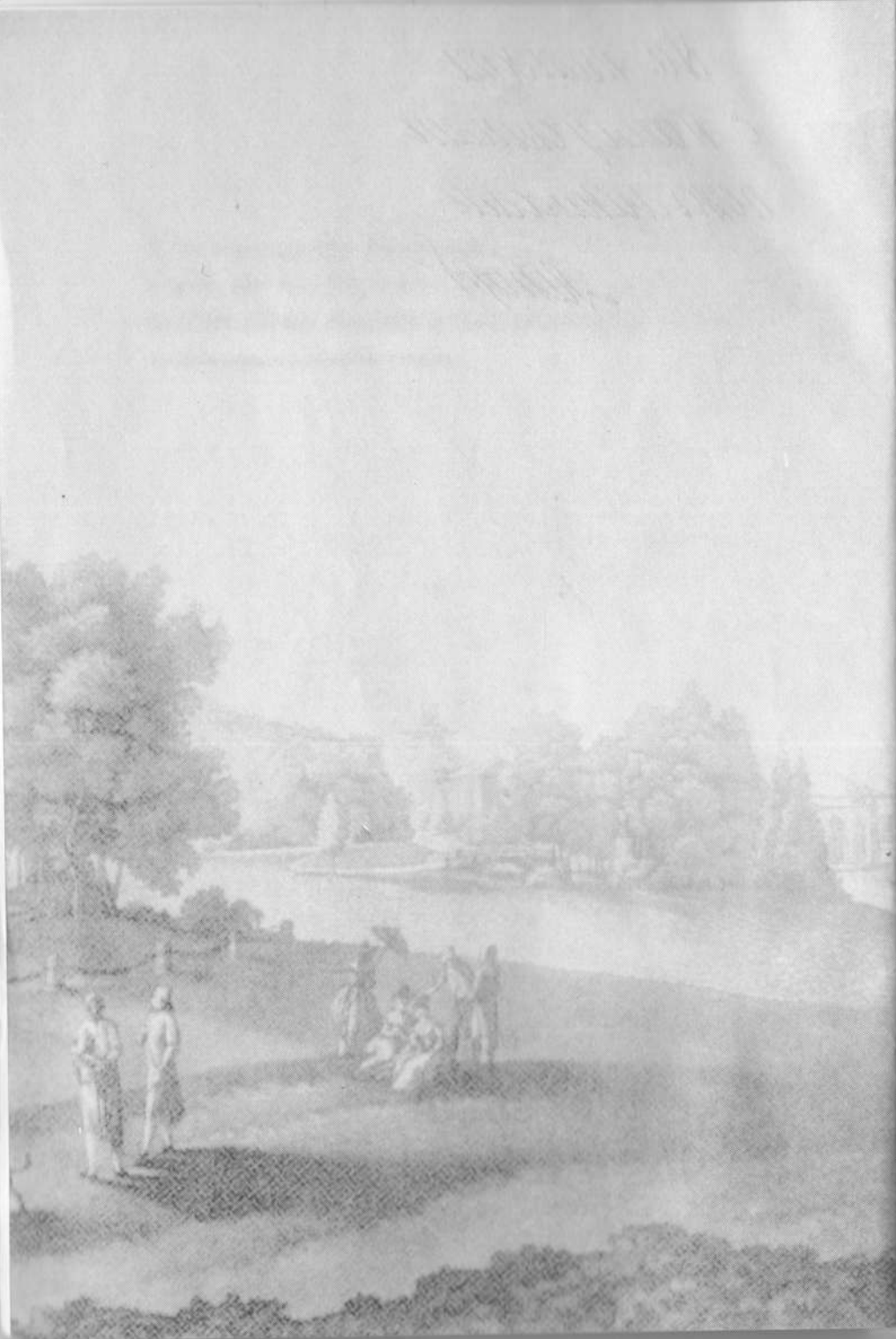
МАРИЯ
КАРТАШОВА

КРИСТАЛЛЫ
БАЛАХНИНСКОЙ
СОЛИ

(очерки по истории Балахны)

• 2003 •

С ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СТРАСТЬЮ

Мария Карташова из тех пытливых краеведов, которые в своей работе опираются не только на наличие факта, но и на смысл его, на связь его с историческим процессом, с национальными корнями, с необходимостью его современного осмысления. Факт важен не сам по себе, а как звено в целой цепи последовательных, закономерных или, напротив, исключительных явлений, раскрывающих значение и глубину народного бытия, хозяйствования, традиций, воззрений. Такое понимание факта приводит к более точным выводам и более верным, чем это получается у тех, кто оперирует фактами, не видя их истинной цены и масштаба. Провинциальные шоры в краеведении отнюдь не достоинство, как кто-то может считать.

Лишь одно то, например, что немец, победитель Пугачева, генерал-поручик Иван Иванович Михельсон, как указывает Карташова, занимался в конце XVIII века солеварением и таким образом был причастен к балахнинской соли, может свидетельствовать гораздо о большем, чем только любопытный случай в не претендующей ни на какие обобщения сугубой истории Балахны. Возобновивший солеварение в городке на Волге Яков Латухин становится для нас более значительной фигурой, чем просто удачливый предприниматель, когда мы узнаем, что именно он передал Карамзину список «Степенной Книги», уникального памятника Древней Руси, который, конечно же, был использован великим историком в создании своего обширного труда, имеющего мировое значение.

Карташова ищет и находит, преследуя прекрасную цель связать историю Балахны с историей России, как отдельный орган со всем организмом.

Ей интересны все исторические периоды и все факты: от строительства острога-крепости до литья колоколов, от сведений о первых изразцах до Балахнинского земства и Бугровской благотворительности. А прежде всего ее интересует историческая личность, сам житель Балахны в его первенстве над вещами, а не в его зависимости от вещей, как часто случается в краеведении.

К достоинствам Карташовой можно отнести ее владение словом, внимание к слову, что помогает ей живописно реставрировать былое, проникнуться духом времени, о котором она пишет.

Научный сотрудник Балахнинского краеведческого музея М.В. Карташова в своих работах по истории Балахны показала себя как один из самых вдумчивых и творчески перспективных исследователей минувшего в Нижегородской области, как истинный краевед, видящий в своей деятельности высокое назначение.

Вспоминаются в связи с выше сказанным слова Вселенского Патриарха Григория VI, молвленные в 1836 году: «Стыдно нам, если из-за каких-нибудь выгод мы предадим самое любезное и самое дорогое для нас — спасение душ, веру святых отцов наших, народный свой характер и честь».

У Карташовой выгод нет. У нее есть убеждение, что духовность в обществе не создается сама по себе, она есть результат постижения жизни народной, истории и культуры, христианского подвижничества во всем сочетании и объеме. Ей дорог девиз нижегородского ополчения: «Купно за едино!» («Все за одно!») Но все за одно будут лишь тогда, когда найдут в себе историческую правду и силу, а не удовлетворяться жалкой ролью Иванов, не помнящих родства.

Мария Карташова — на верной стезе. И хочется пожелать ей успеха.

Валерий Шамшурин,

*профессор Международной Славянской академии,
заслуженный работник культуры России*

ОБ ОСНОВАНИИ БАЛАХНЫ

Официальной датой основания города Балахны принято считать 1474 г.

Почему именно в этом году, как считают, появилась Балахна?

Оказывается, как написано в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, великий князь Иван III Васильевич сослал сюда новгородцев после взятия им Новгорода Великого, которые и стали здесь варить соль. Факт интересный. Пришли ссыльные люди и стали заниматься добычей соли. Однако это подразумевает, что и до них соль здесь уже вываривали.

Историкам хорошо известна духовная грамота Владимира Андреевича Серпуховского, двоюродного брата московского князя Дмитрия Донского, победителя татар на Куликовом поле в 1380 году. Этот документ датируется 1401-1402 г. и в нем говорится: «А соль-на-Городце дети мои, князь Семен, князь Ярослав, ведают с одного, и делят себе попопы, oprичь Федоровские варницы, а иной не вступается никто в Городецкие варницы бес повеленья детей моих...» Профессор Нижегородского университета Н.Ф. Филатов об этом пишет: «В этой грамоте содержится скупая, но весьма важная информация для того, чтобы с уверенностью говорить о существовании в Балахне соледобычи еще в период расцвета Городца как административно-хозяйственного центра Поволжья в XII—XIV вв.»

Интересно сравнить Балахну с другим русским городом, так же как и наш город много веков жившим за счет солеварения, Солегаличем. В 1389 г. Дмитрий Донской упоминает это поселение в своей духовной грамоте тоже как о «Соли». В грамоте 1433 г. о

Солигаличе вновь говорится как о «Соли с варницами и с серебром, что на людех».

Следовательно, поселение на месте современной Балахны возникло гораздо раньше, чем в 1474 г. Однако поселение, т. е. населенный пункт, это еще не город. В общепринятом значении «город» — это огороженное место и в XV-XVI веках он имел два значения:

1. укрепленное место,
2. административный пункт.

Но документами не доказано, чтобы Балахна соответствовала хотя бы одному из приведенных пунктов. Следовательно, «города Балахны» в XV веке не было. Балахна стала называться городом только с 1536 года, когда здесь стала строиться крепость.

Но вернемся к поселению. Когда же возникло русское поселение на месте Балахны? Документы из Балахнинского городского магистрата об основании Балахны сообщают следующее, под 1308 годом: «Начальное основание здешнего города Балахны произошло из древних времен во дни владения Суздальских и Городецких князей...» Т. е. поселение было основано до 1474 г., до княжения Ивана 3, который был уже единодержавным князем и городецких и суздальских князей уже не было.

Под 1835 годом: «Город Балахна основан великим князем Андреем Юрьевичем Ростовским и Суздальским в 1156 году».

Это сообщение наиболее интересно для нас. Но могло ли такое быть?

Вспомним, что самым древним городом в Нижегородском Поволжье является Городец (Городец Радилов на Волге), основанный в 1152 году князем Юрием Владимировичем Долгоруким. В 50-е годы XII столетия русские князья — Юрий Долгорукий и его сын Андрей Юрьевич Боголюбский вели активное строительство городов во Владимире-Суздальской земле. В это время были основаны кроме Городца, Переяславль-Залесский, Юрьев Польский, Кидекша, Звенигород, Дмитров. Эти города защищали русскую землю от воинственных волжских булгар, которые постоянно совершали набеги на русских. Перечисленные города упоминаются

в летописях: Лаврентьевской и Ипатьевской. Однако, как считает историк М.Н. Тихомиров, список русских городов, представленный в летописях, явно неполный.

Таким образом, возможно, что Балахна была основана в 1156 году. Не будем забывать, что Нижегородское Поволжье, как и другие русские земли, было разорено татаро-монголами в 1238—1239 гг. При этом многие города после уничтожения так и не смогли возродиться, или ожили через несколько десятилетий и даже веков.

Так и Балахна могла существовать и до монгольского завоевания, потом была уничтожена и возродилась лишь в конце XIV—начале XV веков.

Документ 1835 года был составлен под руководством балахнинского городничего и опирался на документы, хранившиеся в архиве Балахнинского городского магистрата, следовательно, балахнинские чиновники не могли взять дату «1156 год» «с потолка». Не следует забывать, что в этом балахнинском архиве хранились редчайшие древние документы до нас, к сожалению, не дошедшие.

Конечно, чтобы принять 1156 год за дату основания Балахны, нужны документы XII—XIV веков, или хотя бы документы, эту дату подтверждающие...

СОЛЯНЫЕ ПРОМЫСЛЫ И СОЛЕПРОМЫШЛЕННИКИ БАЛАХНЫ

На протяжении нескольких веков главным промыслом Балахны являлось солеварение. Даже само возникновение города исследователи ставят в прямую зависимость от соляных источников. Город возник и развивался как поселение солеваров. В духовной грамоте Владимира Андреевича Серпуховского, которая датируется 1401-1402 гг., будущая Балахна именуется как «Соль на Городце», что явно указывает на специфику занятий населения — соляной промысел.

Многие русские соледобывающие центры имели в своем названии слово «соль». Таковыми были Соль Переяславская, Соль Галицкая, Соль Вычегодская, Соль Камская, Солигалич. Как отмечал Михаил Николаевич Тихомиров, соль рано сделалась предметом торговли, она приносила солепромышленникам определенную прибыль, верный доход.

Балахна (Соль на Городце) была единственным центром соледобычи в Нижегородском Поволжье. В силу этих причин жизнь балахонцев была полностью подчинена солеварению. По выражению краеведа Снежневского город «был только тенью усолья». Малейшие колебания в промысле отражались на Балахне и на благосостоянии ее жителей, в зависимости от успехов солеварения город то богател, то беднел. С.А. Архангельский писал, что «все в ней (Балахне) было связано с соляным промыслом, начиная от многочисленных церквей, которые были построены солепромышленниками, и, кончая убогой кельей бобыля, который работал на тех же промыслах».

Добыча соли в Балахне осуществлялась из местных подземных рассолов, которые находились в слоях синеватого цвета сланцев, на глубине более 25 саженей (50 метров). В других соляных центрах источники находились гораздо глубже: Соли Камской — 80 метров, в Тотме — 180 метров. Однако, балахнинский рассол был слабее по концентрации. Профессор Н.Ф. Филатов указывает и на «горчинку» балахнинской соли».

Процесс добычи соли в Балахне подробно описан Снежневским в Действиях НГУАК.

В 1536 г. в Балахне строится крепость, город становится административным центром обширного уезда. Получив защиту, балахонцы с этого времени стали иметь возможность развивать соледобычу, накапливать средства для вложения в то же солеварение, а с уничтожением Казанского ханства, соляные комплексы Балахны больше не сжигаются, не уничтожаются татарами. В 16 веке соляная торговля была делом более прибыльным, чем даже виноторговля. Потребителем соли было как городское, посадское, так и более многочисленное сельское население. Исследователь средневековых цен А.Г. Маньков, указывает, что для всего 16 века характерен очень высокий уровень цен на соль. Так на Вологодском рынке хлеб стоил 5—10 денег за пуд, а соль — 6 денег, а иногда, в 50—70-е годы и до 10 денег (Скрынников Р. Царство террора. С. 218).

Именно в силу финансовой заинтересованности царь Иван Грозный взял Балахну, наряду с другими центрами солеварения, в 1565 г. в опричнину, получив, таким образом, соляную монополию.

16—17 века стали периодом расцвета балахнинского солеварения. Усолье в лучшие годы своего существования давало 1700 тыс. пудов соли (в год) (Филатов Н. Ф. С. 80)

Число рассолоподъемных труб в 17 веке изменялось незначительно: 29 — в 1618 г., 31 — в 1628 г., 33 — в 1674 г.

Каждая труба имела свое название, например, Попадья Большая, Толстуха Большая, Толстуха Малая, Наугольная, Андреевская, Золотуха, Лунинская и другие. Труба отличались по количеству добываемого рассола — от 400 до 900 бадей. При каждой трубе находились 1-3 варницы, где соль вываривали, поэтому варниц на

Балахнинском Усолье было больше, чем труб: 73 — в 1618 г., 62 — в 1628 г., 86 — в 1674 г.

Рассольные трубы и варницы в Балахне находились в индивидуальном владении. Но кроме частных лиц их владельцами в разное время были московские цари, боярин Воротынский, князь Д.М. Пожарский, монастыри и церкви, купцы гостиной и суконной сотен.

Крупными церковными владельцами рассолов были Балахнинский Вознесенский собор, Спасская церковь, Балахнинский мужской Покровский монастырь, Троице-Сергиев монастырь, Успенский монастырь в Гороховецком уезде (Фролищева пустынь), Амвросиев Николаевский Дудин монастырь Нижегородского уезда.

Признаки упадка балахнинского солеварения можно заметить уже в конце 17 века в виде недействующих труб и варниц. Значительный удар промыслу был нанесен указом Петра Первого от 26 марта 1705 г., введившем казенную монополию на соль и требовавшим сдачи ее в казну промышленниками по твердым ценам — по 5 копеек за пуд. Поставленные в невыгодные условия, мелкие солевары стали быстро разоряться. Выдержали это мероприятие только крупные солевары. Таковыми в Балахне были Осокины и Латухины, на которых держалось солеварение в 18 веке. Представители этих династий оставили в балахнинской, да и в российской истории весьма значительный след.

Осокины происходили из монастырских крестьян Троице-Сергиева монастыря села Козина. «Василий и Петр Игнатьевы, Таврило Полуек, Осокины с детьми, по имевшимся у них немалым торгам и заводам от одной, трех и пяти тысяч рублей и более», были приписаны к купечеству г. Балахны ранее середины 18 века (Материалы по истории, Т. 1, 1935, С. 248). В Писцовой книге города Балахны 1674-1676 гг. упоминается староста села Козина Троице-Сергиева монастыря Ивашко Осокин (ДНГУАК, с. 117). Можно предположить родство этого старосты и Василия с Петром Игнатьевых детей Осокиных.

Петр Осокин начал свою «карьеру» при Петре Первом, который его знал лично и пожаловал золотым кубком. В конце 20-х

годов Осокины начинают строительство железодельных заводов на Урале. Всего ими было построено порядка десяти заводов. При Анне Иоановне братья Осокины получили официальное звание директоров уральских заводов. Развернуть крупнейшее строительство Осокиным позволили капиталы, накопленные ими за счет балахнинской соли.

Первый из известных нам Латухиных — Петр Семенович. В 40-х годах XVIII века он стал приобретать на Балахнинском Усолье трубы и варницы. Значительную часть рассолов он получил от своего тестя - Михаила Лоушкина, крупного балахнинского солепромышленника. Будучи бургомистром Балахны, занимаясь обширной торговлей, поставкой казенных вещей в Санкт-Петербург, Петр Латухин приобрел более 850 бадей рассола в лучших трубах Балахонского Усолья: Толстухе Большой, Порубчихе, Наугольной, Дубровинской, Андреевской и в других. Свое большое наследство он оставил детям: Якову, Семену, Ивану, Петру. Самым старшим из них, получившем большую часть рассолов, был старший из сыновей — Яков.

В XVIII веке соляной промысел в Балахне то запрещался, то вновь разрешался. С 1753 по 1782 годы солеварение было запрещено. Рассольные трубы были запечатаны. 27 июня 1782 г. правительство Екатерины Второй солеварение в Балахне разрешило и первым, кто его возобновил, был Яков Латухин. Купец I-й гильдии, торговец и солепромышленник, он был и собирателем древних рукописей. По большей части они достались ему по наследству, причем в его собрании были чрезвычайно редкие, уникальные рукописи. Яков Петрович и его сын Николай переписывались с известным историком и писателем — Н.М. Карамзиным. Яков Петрович передал Карамзину список так называемой «Степенной Книги» (Книга Степенная царского родословия), уникального памятника Древней Руси. Этот список так и стал называться «латухинским». Этот список был составлен на основе Степенной книги в 1675—77 гг. архимандритом Макарьево-Желтоводского монастыря Тихоном (Литература древней Руси. Библиографический словарь. М., 1996. С. 210—211).

В.И. Рукавишников сообщает, что Карамзин, находясь в эвакуации в Нижнем Новгороде, писал в январе 1813 г. Николаю Яковлевичу о присылке находившейся у них ценнейшей Новгородской летописи, которая и была историку передана.

В семье Латухиных вообще хранилось огромное количество различных документов, рукописей, книг. Это подтверждает опись имущества умершей в марте 1794 г. Аксины Алексеевны Латухиной, второй жены Петра Семеновича. В конце 19 века НГУАК приобрела архив семьи Латухиных, и теперь он хранится в Нижегородском архиве в личном фонде Латухиных и содержит замечательные материалы по балахнинской истории.

Кроме Якова Латухина в 80-е годы XVIII века солеварением занялись:

- нарвский купец Карл Арпс,
- жена отставного майора Евграфа Алексеевича Лебедева Елизавета Игнатьевна,
- генерал-поручик Иван Иванович Михельсон,
- лейб-гвардии капитан Александр Никанорович Анненков.

С этими лицами (либо с их доверенными) Правительствующий сенат, который следил за вываркой соли в империи, через Нижегородскую казенную палату подписал контракты, согласно которым солепромышленники обязывались вываривать строго определенное количество соли, в зависимости от числа принадлежащих им труб и варниц.

В этом же 1785 г. впервые в балахнинской истории начал действовать казенный соляной завод. Добыча рассола должна была осуществляться из рассольных труб, которые ранее принадлежали монастырям, а в 1783 г. были отобраны в казну. В результате размена части рассолов за казенным заводом было оставлено 10 рассольных труб:

1. Толстуха Большая 2. Поддымная 3. Киселиха 4. Опалиха 5. Климентовская 6. Подугольная 7. Якимовская 8. 9. 10. Трубы Близины.

Казенный соляной завод представлял из себя целый производственный комплекс: 7 амбаров с рассольными трубами и машинами

к ним, 6 варничных корпусов с цренами, чаны, лари, магазейн (склад для хранения соли). Кроме производственных строений был сооружен директорский комплекс, включавший в себя дом директора конюшни, амбары и т.д.

Однако завод себя не оправдал. Если предполагалось, что в год будет добываться 200 тысяч пудов сухой соли, то лишь в 1786 было столько выварено, а в 1788 г., например, выработка снизилась до 71 тыс. пудов. Частные солепромышленники тоже не смогли выварить то количество, которое им было указано. Особые трудности представляла заготовка дров, которые стоили очень дорого. Наемных рабочих при крепостном строе тоже была нехватка. По указу правительства от 14 июня 1793 г. на завод повелевалось отбирать рабочих из «праздношатающихся тунеядцев», «не плательщиков государственных налогов». Именно в их число чуть было не попал Василий Баранчиков, который смог избежать этой плачевной участи благодаря изданию своих знаменитых «Путешествий».

Большие трудности послужили причиной прекращения солеварения. Балахнинская соль не могла конкурировать с более дешевой элтонской и пермской. В 1792 г. частные лица прекратили выварку соли, а казенное солеварение прекратилось чуть позднее, в 1804 г. Казенное имущество было распродано на торгах очень дешево. Так неудачно закончился опыт по эксплуатации балахнинских соляных источников казной. Больше подобных попыток правительство не предпринимало. Рассольные трубы уже в который раз были запечатаны, постройки обвалились. Но и на этот раз Усолье не умерло, а только уснуло, а просыпаться оно стало после указа правительства Александра Первого от 5 ноября 1811 г., которым вновь разрешалась вольная продажа соли.

К этому времени Усолье было в плачевном состоянии. Многие соляные трубы сгнили или были завалены землей. Восстановление рассолодобывающего комплекса требовало вложения больших денежных средств. Соляным промыслом занялись лишь отдельные лица. Среди них в первую очередь — Яков Латухин в 1813 г. Вскоре стали открываться и другие частновладельческие заводы, при-

надлежавшие, в основном, лицам из фамилии Латухиных. В 1817 г. солеварением занялся майор Евграф Алексеевич Лебедев, казанский помещик, наследник балахнинских Осокиных (его женой была Елизавета Игнатьевна Осокина). Однако, и эти заводы долго не просуществовали. Правительством был повышен акциз на соль с 60 коп за пуд до 80 и более. Дрова стали очень дороги. И самая главная причина — значительное уменьшение концентрации соли в рассоле. Соледобыча становилась невыгодной и даже приносила убытки.

В 40-х годах солеварением занимались лишь купцы Редозубовы, взявшие в наем рассолы у Н.Я. Латухина, но и они в начале 50-х годов производство прекратили. Во второй половине 19 века делались попытки возродить некогда преуспевающий промысел, но они были неудачны.

Балахнинское солеварение прекратило свое существование. Балахнинцы были вынуждены обратиться к другим занятиям и промыслам. Некогда богатейший преуспевающий город, центр солеварения и торговли в Поволжье Балахна ко второй половине XIX века превратилась в небольшой уездный город, со слабо развитой промышленностью. Балахнинские соляные комплексы со временем были разрушены. В настоящее время сохранилось несколько рассолоподъемных труб XIX века, из которых во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. добывали соленую воду, горьковатую на вкус. Эти крупницы знаменитого балахнинского прошлого крайне необходимо сохранить, хотя бы как память о «Балахонском Усолье».

Основные даты из истории Балахнинского солеварения

- 1401—1402 гг. первое упоминание о Соли на Городце (будущей Балахне)
- 1628 г. Писцовая книга г. Балахны Захарья Быкова
- 1674—1676 гг. Писцовая книга г. Балахны писцов Левашова и Осинова

- 1705 г. запрет вольной продажи соли
- 1727 г. разрешение вольной продажи соли
- 1735 г. запрет вольной продажи
- 16 декабря 1753 г. уничтожение Балахнинского Усоляя
- 27 июня 1782 г. разрешение солеварения 1784 г. разрешение солеварения в Балахне (Я.П. Латухин, казна, Михельсон, Анненков)
- 1792 г. последним прекратил солеварение Я.П. Латухин 1804 г. закрыт казенный соляной завод
- 1811 г. манифест о вольной продаже соли
- 1853 г. прекращение солеварения Редозубовыми.

ИЗ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ БАЛАХНЫ В XVI-XIX ВЕКАХ

1. Церкви в Балахне в XVI-XVIII веках.
2. Балахнинский Покровский мужской монастырь и его основатель иеромонах Пафнутий.
3. Церкви и образование в Балахне в XVIII-XIX веках.
4. Церкви и старообрядчество.

1. Церкви в Балахне в XVI—XVIII веках

История православных церквей в России недостаточно изучена тем более не изучена история церковей одного из древнейших волжских городов — Балахны. Город, а следовательно и православная жизнь в Балахнинском крае, насчитывает более чем 500-летнюю историю.

Первые документальные данные о балахнинских церквях относятся к первой половине XVI века.

По Писцовой книге Балахны 1674-1676 гг. в городе было 27 каменных и деревянных церквей¹. Самые первые деревянные церкви возвышались в верхнем посаде, в междуречье Волги и Нетечи, еще до существования в Балахне крепости, которая была построена в 1536 г.² В 1538 году в крепости возводят деревянный Вознесенский собор, который станет главным храмом Балахны и всего уезда на несколько веков.

Особенно бурное строительство церквей в Балахне происходит XVII, а потом в XVIII веке, причём в это время церкви строились в

¹ Писцовая книга г. Балахны 1674-1676 гг./ Действия НГУАК, т. 15 в. 1, 1913. ПСРЛ, т. 13, СПб., 1904, с. 113-114.

основном каменные, так как в городе были свои кирпичные сараи и недостатка в кирпиче не было. Кроме этого в Балахне были и свои изразцы, которые служили украшением внешних стен церквей и колоколен. Недостатка в средствах так же не возникало. XVII век — век расцвета города за весь дореволюционный период его существования. Балахнинцы с удовольствием возводили прекрасные каменные храмы, не жалея на них средств.

Ярким примером тому служит Спасская церковь, построенная в 1668 г. на средства богатого солепромышленника Григория Добрынина, который построил ее как домовую церковь, в память об умерших в «моровое поветрие» отце и брате.

Каменная Христорождественская церковь в женском монастыре была построена на деньги Кондрата Ильина — протопопа Успенского собора Московского Кремля, балахнинца родом³. В XVIII веке балахнинские купцы продолжают украшать город каменными храмами. В 1727 г. велось строительство каменного Вознесенского собора на месте ветхого деревянного. Крупный вклад в строительство внес Петр Игнатьевич Осокин, хотя он и был старообрядцем. Факт в истории интереснейший. В 1748 г. бургомистр Балахны (1748-1771 гг.) Петр Семенович Латухин принимал активное участие в строительстве Знаменской церкви, прихожанином которой он был⁴.

Таким образом, Балахна не являлась исключением в общероссийской традиции покровительства богатых людей церкви.

2. Балахнинский Покровский мужской монастырь и его основатель иеромонах Пафнутий

В Балахне недалеко от Волги, к югу от крепости, у дороги, которая вела в сторону Нижнего Новгорода, располагался Покровский мужской монастырь. Уже в документах середины XIX в. встречаются указания на то, что монастырь «...построен неизвестно в котором году и кем...»⁵ Народная память сохранила имя ос-

³ Действия НГУАК, т. 15, вып. 1, с. 4.

⁴ ГАНС, ф. 931, оп. 828, д. 212.

нователя монастыря — иеромонаха Пафнутия. Биография его нам не известна, но, как отмечал балахнинский краевед, кандидат филологических наук В.И. Рукавишников⁶, он был видным деятелем той эпохи. Вероятно, монастырь принадлежал к той церковной партии «иосифлян», которая активно поддерживала московских великих князей (царей) в их борьбе с боярством.

В период образования единого русского государства у игуменов на первый план выдвигаются такие качества, как хозяйственность, практический смысл, большая воля, которые редко уживаются со святостью. В XV веке известны только двое святых этой школы: Пафнутий Боровской и Иосиф Волоцкий. Пафнутий Балахнинский — то же из их же школы. Обоих Пафнутиев роднят многие взгляды на монастырское житие, землевладение, отношение к светской власти. Пафнутий Боровской основал свой монастырь всего в 2-х верстах от города. Пафнутий Балахнинский сделал то же самое. Пафнутия Боровского почитали особо в великокняжеском роде — он стал как бы фамильным святым московских князей. Иван Грозный считается рожденным по молитвам Пафнутия Боровского. Сам Иван Васильевич IV называл преподобного в ряду величайших московских святых — Сергия и Кирилла. Сам Пафнутий, как говорят его жития, любил московский княжеский дом и хранил в памяти предания о московской старине. В этой связи факт постройки Никольского храма в Балахне в монастыре, основанным Пафнутием по указу Ивана Грозного представляется не случайным. В настоящее время в Балахне бытует мнение о том, что Пафнутий Балахнинский был похоронен в Покровском монастыре в Никольской церкви.

Интересный документ, подтверждающий факт захоронения Пафнутия Балахнинского в подклети Никольской церкви, содержится в Государственном архиве Нижегородской области в личном архиве балахнинских солепромышленников Латухиных⁷. Документ точно не датирован, но можно предположить, что он напи-

⁶ ГАНС, ф. 570, Оп. 558, д. 141 за 1850 г., л. 6.

⁷ Рукавишников В. И. Балахна во времена Ивана Грозного / «Рабочая Балахна» 1959, 34, 26 декабря.

ГАНС, ф. 931, оп. 828, д. 231.

сан в 30-е годы XIX века. Это прошение балахнинского дворянского сословия граждан епископу Нижегородскому и Арзамаскому Амвросию об открытии в подклети Никольского храма церкви во имя святого Пафнутия. После имени «Пафнутия» в тексте идет приписка «боровского» (мельче почерк). Документ этот явно написан в черновом варианте и подлежит большому сомнению верность этой приписки. Скорее всего она объясняется тем фактом, что Пафнутий Балахнинский не был официально канонизирован, и для того, чтобы церковные власти разрешили открыть церковь, у Латухина, вероятно, возникла мысль о Пафнутии Боровском.

Далее по тексту идет явное несоответствие просьбы при том, если церковь будет открыта в честь Пафнутия Боровского: «...в том святом месте, под церковью Святителя и чудотворца Николая погребено тело настоятеля означенного бывшего монастыря, преподобного отца Пафнутия, как удостоверяют до нас дошедшие предания и рукописи; и далее в ведомостях о церковном клире Покровской церкви доставляемых до 1830 года писалось, что тут под спудом почивает преподобный Пафнутий, над коим и доселе всегда служат усердствующие панихиды...»

Из вышеизложенного видно, что Пафнутий Боровской в Никольской церкви города Балахны захоронен быть не мог, и в тексте речь идет о другом Пафнутии — основателе Балахнинского Покровского монастыря — Пафнутии Балахнинском, местночтимом святом. Других, более ранних документов о нем, к сожалению, пока в архивах не обнаружено. Архимандрит Макарий в «Памятниках церковных древностей» также ссылается только на предания. Однако, обращает на себя внимание то, что Латухин в прошении указывает на клиревые ведомости Покровского монастыря, до нас не дошедшие.

Вопрос о Пафнутии Балахнинском и о месте его захоронения сейчас встал особо остро в связи с тем, что Никольский храм в мае 1999 г. был передан верующим. И в июне 1999 г. в подклети храма было произведено вскрытие деревянного пола, и под ним были обнаружены человеческие останки (скелет не целиком). Научное изучение захоронения и останков еще произведено не было. Одна-

ко, сам факт захоронения в церкви уже говорит о том, что это был человек не простой.

Местные старожилы, и в частности Елена Гавриловна Зеленихина, указывают именно то место, где были обнаружены останки, как место захоронения преподобного Пафнутия.

Обратимся к следующему документу, датированному 25-30 июня 1884 г., из канцелярии Нижегородского губернатора «Дело по предписанию Балахнинскому Городничему о наблюдении за чудесами, происходящими над гробом иеромонаха Пафнутия»⁸:

«Издавна по Нижегородской губернии носились слухи о существовании якобы в уездном городе Балахне под принадлежащею прежде к упраздненному Покровскому мужскому монастырю церковью Святителя Николая, мощей скончавшегося в давнем времени иеромонаха Пафнутия, и о получаемых якобы прибегающими к гробу сему чудесных изцелениях. С некоторого времени слухи сии стали усиливаться...»

В связи с этим Нижегородский губернатор 19 июня приехал в Балахну. По приезде он обнаружил, «что в бывшем под Никольской церковью подвале с благославления епархиального архиерея...устраивается церковь, внутри сего подвала на правой стороне, имеется гробный растреснувшийся и обращающийся в песок камень над коим сделан небольшой несколько возвышенный обруб, покрытый парчовым покрывалом...»

Несмотря на недовольство губернатора поклонение мощам Пафнутия не прекратилось. Еще в 20-е годы XX века в Никольском храме служили панихиды по Пафнутию Балахнинскому. Тем не менее вопрос о месте его захоронения и о его жизни остается открытым.

Но основанный им монастырь прочно пустил корни в Балахне. Уже в XVII веке Покровский монастырь был крупнейшим феодалом на Балахнинском Усолье. Еще в середине XVI века (датирует архимандрит Макарий)⁹ Иван Грозный дал монастырю грамоту

⁸ ГАНО, Ф. 2, он. 6, д. 158.
⁹ Макарий (архимандрит). Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857, с. 24.

руге (особая плата за содержание церковного причта), а также тарханную грамоту, освобождавшую монахов от всяких налогов и пошлин. Помимо руги деньгами и хлебом, которую монастырь ежегодно получал из Балахнинской таможенной избы (по жалованной грамоте 1614 г.) он имел немалый доход со своих вотчин и разнообразных пожалованных владений. При Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче монастырь получает вотчины в Балахне и за городом, которые потом превращаются в монастырские слободки, где жили монастырские слуги, бобыли, то есть различные категории зависимых людей. Известны следующие игумены монастыря:

- **Антоний** — февраль 1614 г.
- **Моисей** — октябрь 1617 г.
- **Варфоломей** — 1623—1628 гг.
- **Варсонофий** — июль 1629 г., март 1634 г., 1645—1649 гг.
- **Антоний** — бывший архимандрит Нижегородского Благовещенского монастыря, определен 21 февраля 1652 г., упоминается до 1659 г.
- **Феодор** — 1665—1670 гг., 1672 г. **Афанасий** — 1673—1682 гг.
- **Пахомий** — февраль 1683 г.
- **Макарий** — 1692—1697 гг. **Димитрий** — 1707—1717 гг.
- **Пансий Савин** — 1719-1743 гг.¹⁰
- **Евфимий** — 70-е годы XVIII века.

3. Церковь и образование в Балахне в XVIII-XIX веках

Общеизвестно, что образование в Российском государстве до 1917 года было, в основном, церковным. Учебные заведения открывались при монастырях и церквях как приходские училища. Балахна не была исключением.

Начало народного образования в Балахне относится к 1738 году, когда Нижегородским епископом Питиримом было открыто духовное училище для подготовки лиц в духовную семинарию.

¹⁰ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб, 1877. т. 620.

(Оно располагалось в здании бывшей школы № 1 на улице Ленина. Это здание сохранилось до наших дней.) В 1787 г. духовное училище было преобразовано в народное. В 1804 г. училище было преобразовано в уездное.

В первой половине XIX в. новые средние и особенно низшие учебные заведения возникали крайне медленно, а общее число их по России было явно недостаточным. Уездные училища и приходские школы были большой редкостью в дореформенной России. В 1830 г. во всей России числилось всего 416 уездных училищ, а к 1855 г. их стало 439, количество приходских училищ за те же 25 лет увеличилось всего на 288¹¹.

С 1811 г. в Балахне начинается история приходских училищ. Инициатором создания первого училища в Балахне выступает церковь в лице дьяка Покровской церкви Полетаева. Однако большую часть расходов по содержанию училищ несли частные лица. Так в 1815 г. балахнинский купец Павел Минин покупает у купчихи Нестеровой на собственные средства дом возле Покровской церкви, ремонтирует его и передает под приходское Покровское училище.

После отмены крепостного права весьма актуальным стал вопрос о народном просвещении. В правительственных кругах выход из плачевной ситуации виделся один — возложить на приходское духовенство обучение детей грамоте и соответственно оплачивать эту «дополнительную нагрузку». При этом преследовалось сразу несколько целей: во-первых, улучшить материальное положение приходского духовенства, во-вторых, обеспечить обучение детей простолюдинов грамоте, а, в-третьих, усилить «нравственное влияние» священника» в народе¹².

В 1864 г. было утверждено Положение о приходских попечительствах и о церковноприходских школах. Попечительство из прихожан должно было заведовать церковными делами прихода и содействовать улучшению материального положения священни-

¹¹ История СССР. Т. 2, с. 354.

¹² Литвак Б. Г. Русское православие в 19 веке / Русское православие: веки истории. / Науч. Ред. А. И. Клибанов. М.: Политиздат, 1989, с. 361

ков. По положению от 14 июля 1864 г. о начальных народных училищах, в них должны были преподаваться закон божий, чтение, четыре действия арифметики, церковное пение. Наблюдение за их работой осуществлял в уезде уездный училищный совет, в который входили представители министерства народного просвещения, внутренних дел, православного духовенства, два члена от земского собрания и один из ведомства, которое содержит эти начальные народные училища. Преобладающее участие церкви в воспитании детей четко выразил обер-прокурор К.П. Победоносцев в письме к царю Александру 3 от 22 марта 1881 г.: «...в народном первоначальном образовании министерству народного просвещения необходимо искать главной опоры в духовенстве и церкви»¹³. Приходские училища в Балахне активно стали открываться в пореформенное время. В 1872 г. — женское училище, в 1877 г. — Знаменское, в 1887 г. — Воскресенское, в 1909 г. — Столыпинское женское, в 1916 г. — училище купца Худякова.

Церковь выступает здесь как организатор училищ. Расходы по их содержанию несли земство, городское самоуправление и частные лица. Так на содержание приходского Знаменского училища городская Управа в 1893 г. израсходовала 135 рублей 20 коп.¹⁴ На Покровское училище в 1888 г. — 100 руб. Женское училище находилось на содержании земства, которое в том же 1888 г. израсходовало на него 540 руб.¹⁵

Во всех училищах Балахны образование было, безусловно, светским. Священнослужители вели преподавание лишь закона Божьего. Подтверждением тому служит «Список лиц, состоящих на службе в Балахнинском городском 3-х классном училище за 1876-1905 гг. Обратимся к нему.

1. Почетный смотритель Потомственный Почетный Гражданин — Михаил Николаевич Щелоков.

2. Учитель — инспектор — надворный советник — Михаил Фотиевич Ильин. Образование получил в Алферовской учительской

¹³ Там же, с. 366.

¹⁴ ГАНС Ф. 513, оп. 494, д. 32.

¹⁵ Там же д. 18.

¹⁶ ГАНО, Ф. 513. Оп. 494, д. 8а.

семинарии, выдержал экзамен при Московском Учительском институте на звание городского учителя. Имеет 8 классную должность.

3. Законоучитель — священник — Василий Николаевич Никольский. Образование получил в Нижегородской духовной семинарии.

4. Учитель — титулярный советник — Порфирий Петрович Рудометов. Закончил Оренбургский учительский институт. 10 классная должность.

5. Учитель — коллежский секретарь — Иван Васильевич Копырин. Окончил Оренбургский учительский институт. Классная должность — 10.

6. Врач при училище — статский советник — Николай Александрович Ливанов, окончивший Петербургскую Медико-хирургическую Академию. Имеет 8 классную должность.

В приходских училищах законоучителями были, в основном, священники тех церквей, к которым относились училища. С 1889 г. в течение нескольких лет законоучителем в Знаменском приходском училище был священник Знаменской церкви Стефан Иванович Соколов — Сергеев, окончивший Нижегородскую духовную семинарию. В Покровском училище законоучителем являлся сын диакона священник Покровской церкви — Александр Дмитриевич Розанов, окончивший также курс Нижегородской духовной семинарии¹⁸.

Во всех училищах законоучителя получали по 60 рублей жалования в год, а учитель в Знаменском и Покровском — по 300 рублей, а в Воскресенском и женском училищах — по 240 рублей¹⁹.

Для училищ в приходах избирался попечитель, который затем утверждался в Нижегородском Губернском училищном совете. Эта должность была почетной и, конечно, неоплачиваемой, а наоборот, требовала от попечителей каких-либо денежных вложений. В силу этих обстоятельств далеко не все попечители торопились

¹⁷ ГАНО Ф. 513, оп. 494, д. 32.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ГАНО Ф. 513, оп. 494 а, д. 18, оп. 494, д. 32.

расстаться со своими деньгами ради подрастающего поколения балахнинцев. Купец Ефим Алексеевич Маркелов, почетный блюститель Покровского училища, например, не был щедрым покровителем образования²⁰. Больше повезло с попечителем Знаменскому училищу. Оно было отремонтировано в 1888 г. на средства балахнинского мещанина Игнатия Алексеевича Исакова²¹.

Среди попечителей балахнинских училищ выделяется фигура интереснейшего человека, по рассказам людей, знавших его, большого чудака и добрейшего «спонсора», балахнинского купца 2 гильдии Александра Александровича Худякова (род. около 1846 г.) В течение не одного десятилетия А.А. Худяков был старостой Воскресенской церкви и с момента открытия Воскресенского приходского училища (январь 1887 г.) и фактически до своей смерти — его бессменным попечителем²².

Приход Воскресенской церкви был достаточно многочисленным. Его составляли жители близлежащих улиц: Солдатской, Большой Малой Воскресенских, бывшей слободы Покровского монастыря. На этих участках была сконцентрирована значительная часть промышленных заведений города: порядка 20 кирпичных сараев, лесопилка, завод Миндовского и Шевелина. Таким образом, в 1887 г. в этом приходе открывается училище, которое было размещено в наемном доме Чернышенковой, однако это здание было ветхим и в 1893 училище было переведено в дом наследников Пусковых. Но и этот дом плохо соответствовал своему назначению вследствие отдаленности его от прихода, а кроме того помещение его требовало значительного ремонта. В 1893 г., видя такие неудобства, А.А. Худяков решил предпринять строительство нового здания для училища. За год здание было построено. Попечитель сделал прихожанам хороший подарок — деревянное здание под железной крышей на каменном фундаменте длиной 7 и шириной 6,5 сажень (сажень — 2,13 м). В доме имелись просторные помещения для класса на 80 учеников и квартира учителя из

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² ГАНО, Ф. 513, оп. 494, д. 54.

²³ ГАНО, Ф. 31, оп. 690, д. 1103.

3-х комнат. При доме были надворные службы: баня, погреб, дровяник. Худяков купил для училища новые учебники и другие школьные принадлежности²³. Этот подарок городу нужно рассматривать как широкий жест богатого человека, не имевшего своих детей, безусловно, глубоко верующего.

Мы видим, что в пореформенный период происходит процесс выявления приоритетов, решается вопрос, как на общегосударственном уровне, так и на городском, кто возьмет на себя заботу о народном образовании: светская или духовная власть. Церковь свои многовековые традиции терять естественно не желает, но земские учреждения давят так сильно, что устоять церкви весьма сложно, тем более, что это вытеснение происходит не насильственно, а исподволь. Частные лица становятся промежуточным звеном между духовенством и земством. Так А.А. Худяков, являясь церковным старостой и духовным головой, выступает в роли покровителя образования. При этом духовное отдается духовному (священники следят за моральным обликом учеников), а светское — светскому.

Церковь вынуждена приспособляться к новым условиям реформированной России.

4. Церковь и старообрядчество

В течение XVIII—XIX веков официальная православная церковь зорко следила за раскольниками. Гонения на них в разное время то усиливались, то ослаблялись. Самым тяжелым временем для старообрядцев было время правления Петра I. Его преемники не так рьяно преследовали их. По ведомости 1753 г. по всей стране числилось 36 842 раскольника (из них 17 292 мужчин и 19 546 женщин), в том числе в Нижегородской губернии — 5469²⁴. Конечно, раскольников было всегда больше, чем показывают официальные данные, так как они должны были платить двойной подушный налог, и многие были «потаенными» старообрядцами. Жившие в городах старообрядцы начинают отходить от прежних, строгих и принципов и запретов. Например, многие богатые раскольники

уже считают необязательным выполнение таких запретов — не общаться с властями, не молиться за царя, не ходить в «никонианские» церкви и т.д.

К таким богатым раскольникам принадлежали балахнинские купцы Осокины. История этого купеческого рода крайне примечательна. Бывшие монастырские крестьяне Троице-Сергиевой лавры Василий и Петр Игнатовы, Гаврило Полуектов, Осокины с детьми, по имевшимся у них «немалым торгам и заводам от одной, трех и пяти тысяч рублей и более», были приписаны к купечеству города Балахна ранее середины XVIII века²⁵. Петр Игнатьев Осокин был лично известен Петру Великому и жалован от него золотым кубком²⁶. Петр Осокин участвовал в предприятиях Бирона на Урале, затем сам строит медеплавильные и железобетонные заводы в бассейне реки Уфы. Всего во владении семьи Осокиных насчитывалось 6 медеплавильных заводов (Юговский, Курашинский, Верхнетроицкий и др.). Осокины получили даже официальное звание директоров. В Балахне Осокиным принадлежали земли в Балахне и уезде, соляные трубы и варницы. Но в 1771 году обширные владения Осокиных в Балахне были разграблены и сожжены разбойной шайкой атамана Пугина. По мнению В.И. Рукавишников, после этого Осокины совсем ушли из Балахны. И были похоронены в Комаровском раскольничьем скиту на Керженце (эта местность тогда еще входила в состав Балахнинского уезда)²⁷.

Но в «Исповедальных росписях города Балахны» за 1797 год при церкви Вознесения Господня значатся записные раскольники: вдова Елена Григорьевна Осокина (жена Ивана Федоровича Осокина, родного племянника Петра Игнатьевича), ее сноха — Дарья Артемьевна (жена Михаила Ивановича) и внучка Татьяна пяти лет²⁸.

Церковь таких раскольников, конечно, обижать не могла, тем более, что при императоре Павле I была разрешена свободная деятельность старообрядческой церкви, раскольникам даже возвратили отобранные у них старинные церковные книги²⁹.

Балахна в XIX столетии не являлась центром старообрядчества. По официальным данным, в 1835 году в Балахне проживало всего

11 раскольников, в 1899 году — 9, а в селе Козино (недалеко от Балахны), например, в 1797 году проживало более 100 раскольников. Однако следует учитывать тот факт, что не записанных старообрядцев было гораздо больше.

Все стороны взаимодействия церкви и города в XVIII—XIX веках проследить достаточно сложно, хотя на примере вышеизложенных основных аспектов можно проследить огромную роль церкви в жизни городского общества.

XIX век, особенно его вторая половина, стал тем длительным переходным периодом от всеобъемлющей религиозности общества к иным взглядам и жизненным ценностям. И первый, и второй моменты имеют свои положительные и отрицательные стороны.

В настоящее время церковь отвоевывает отобранные у нее в советское время позиции. Ее повсеместно поддерживают, так как она несет с собой многовековые традиции, а главное, надежду и уверенность в завтрашнем дне, иначе православие бы не просто не могло господствовать в таком огромном государстве, как Россия, вот уже более тысячи лет.

ЦЕРКОВНОЕ СОЛЕВЛАДЕНИЕ В БАЛАХНЕ

*Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?
Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее
вовн на поприще людям.*

(Евангелие от Матфея. 5,13)

В XVI—XVII веках Балахна, как известно, являлась одним из соляных центров Московского государства. Соляные трубы, по которым рассол поднимался из недр земли на поверхность, и варницы, где этот рассол выпаривался, принадлежали разным владельцам. Кроме частных лиц, их владельцами были церкви и монастыри.

Одним из них был балахлавский Вознесенский собор, то есть его притч (священнослужитель). Он получал в разное время от балахлавских солепромышленников значительные вклады. Так в 1618 году богатые солевар Андрей Спирин дал собору в рассолподъемной трубе «Золотухе» 100 бадей рассолу (1 бадья — 3 ? ведра). Старица Марфа, вдова Бориса Податнева, в 1621 году пожертвовала ему 100 бадей в трубе «Толстухе Большой». В 1637 году братья Вавиловы — Первунька и протопоп Вознесенского собора Дмитрий отписали ему в трубе «Порубчихе» — 177 ? бадьи. Этими рассолами собор владел вплоть до второй половины XIX века, когда балахнинское солеварение было прекращено. В первой половине XIX века он сдавал рассолы в наем солепромышленникам.

Балахнинская церковь Спаса Нерукотворного (ныне на улице Туполева) получила от своего устроителя, купца гостиной сотни Григория Ефремовича Добрынина варницу «Быстрену» и 200 ба-

дей рассолу в трубе «Большой Попадье», самой лучшей на Балахнинском Усолье. Притч церкви сдавал эту варницу и рассол в наем (на урочные годы) в XVIII веке Ивану Городчанинову, а в 1817 году священник Спасской церкви Иван Михайлов и староста купец Петр Нестеров отдали в аренду их дворянину Евграфу Алексеевичу Лебедеву сроком на 10 лет и с оплатой 150 рублей в год.

Еще в XVI веке соляными «заводами» владел балахнинский мужской Покровский монастырь: 100 бадьями в трубе «Поддымной». В XVII веке в монастырь были сделаны еще крупные вклады. Андрей Спирин «дал» в 1618 году в трубах «Поддымной» и «Поспеловской» по 100 бадей, а в 1621 году тоже 100 бадей в трубе «Алексеевской». Вышеупомянутая старица Марфа пожертвовала монастырю 100 бадей в трубе «Толстухе Большой». Однако монастырь получал рассолы не только в виде вкладов, но и покупал их. В 1613 г. он приобрел, таким образом, 25 бадей в трубе «Толстухе Большой» у петровского попа Родиона и в 1635 г. 100 бадей у солеvara Галанина.

Однако на Балахонском Усолье рассолами владели не только местные церкви. Крупнейшим солеладельцем являлся Троице-Сергиев монастырь. Уже в 1596 г. он владел в Балахне 5 варницами, а в конце XVII столетия собственностью монастыря были 4 варницы и 1800 бадей рассола в разных рассолоподъемных трубах.

Владение двумя соляными варницами по прозванию «Любим» и «Любава» по жалованной грамоте в 1680 г. получил Фролищев монастырь (или другое название, монастырь Успения Пресвятой Богородицы), находящийся в Гороховецком уезде, от царя Федора Алексеевича (1676-1682 гг.) Федор воцарился на русском престоле в 14-летнем возрасте. Будучи слабым здоровьем, он часто болел, и с 14 лет ходил, опираясь на палку, за что его сестра, Софья Алексеевна, властная и злобная женщина, прозвала «дохликом». Однако Федор Алексеевич был добрым и набожным юношей. Его духовником был строитель Фролищева монастыря Илларион.

Молодой царь Иллариона весьма любил и уважал, так что Фролищев монастырь был особо почитаем царем, за что и получал

большие вклады от государя. Кроме варниц монастырь получил еще по этой же жалованной грамоте 1680 г. рыбные ловли по рекам Суре и Пьяне. Эти варницы ранее принадлежали купцу гостинной сотни Андрею Исакову, который их удачно продал за «соболиную мягкую рухлядь» (соболиные шкурки) в царскую казну. Их стоимость была оценена в 670 рублей (деньги по тем временам немалые). Но несмотря на такую большую сумму, варницы во время их приобретения великим государем давно не использовались, стояли «в пусте», и находились в весьма плачевном состоянии. В «Любиме» было 10 рассольных колод и 6 корыт, а црен (сковорода для выпаривания соли) вовсе отсутствовал. Кровля на варничной избе сгнила «вся без остатку». В «Любаве» тоже все сгнило, црена не было. Однако главную ценность представляли не сами варницы, а приписанные к ним рассолы: к «Любиму» — 200 бадей в трубе «Гавриловской», а к «Любаве» — 250 бадей в «Киселихе» и 100 бадей в «Лунинской».

Копия этой жалованной грамоты была послана балахнинскому воеводе Василию Кошкину с тем, чтобы с этих монастырских варниц не взимались пошлинные деньги. Это был значительный дар Флорищевскому монастырю, так как соляной промысел приносил промышленникам большие доходы, тем более была выгодна беспошлинная торговля, сохранявшая торговцам их денежные средства (выручку).

В трубах, отданных царем Флорищенскому монастырю, часть рассолов принадлежала другим владельцам, а именно в «Гавриловской» и «Киселихе» — Троице-Сергиеву монастырю, — а в «Лунинской» — балахнинскому посадскому человеку Ивану Ивановичу Минину, внучатому племяннику Кузьмы Минина (Иван Иванович был внуком родного брата Кузьмы — Федора Минина).

Эта жалованная грамота после смерти великого государя Федора Алексеевича была подтверждена его преемниками, братьями — соправителями Иваном и Петром Алексеевичами. Монастырь Флорищевой пустоши еще в течение нескольких лет был владельцем рассолов на Балахонском Усолье вплоть до знаменитого указа Петра I от 26 марта 1705 года о введение казенной монополии

на соль, которой отрицательно подействовал на Балахонское солеварение и привел к запустению многих соляных труб и варниц.

Кроме вышеперечисленных солевладельцами были и другие монастыри и церкви, например, Амвросиев Николаевский Дудин монастырь Нижегородского уезда. Доходы, приносимые от продажи соли, позволяли монастырям и церквям вести строительство, приобретать церковную утварь и собирать средства для благотворительных и патриотических целей.

ДЕЛО О «ПОГОРЕВШЕЙ» РАСШИВЕ

В.Г. Короленко, проживая в нижнем Новгороде, с большим интересом занимался изучением архивов старинных русских городов. В сферу его пристального внимания попали и дела балахнинского магистрата, на основе которых он создал свои литературные очерки о жизни провинциального города во второй половине 18 века. В настоящее время эти дела хранятся в разных фондах нижегородского областного архива. Уникальные документы позволяют читателю по крохам собирать историю древнего города, которая представляется жизнью каждого отдельного его жителя.

Балахнинский купец 2 гильдии Петр Семенов Заев вел обширную волжскую торговлю хлебом, который закупал в «низовых» городах, и поставлял на своих судах — расшивах — вверх по Волге — вплоть до Рыбинска.

К вечеру 8 мая 1806 года расшива Петра Заева, до отказа груженная разного рода хлебом, встала на якорь возле деревни Чекур в Чебоксарской округе «для ночёва». Лоцман — Сергей Данилов Галкин, будучи в этих местах, всегда останавливался в доме крестьянина Алексея Семенова. Поругавшись с приказчиком, Галкин, лишь только был сброшен якорь, сел в лодку и отправился в деревню, предоставив приказчику одному договариваться с рабочими.

Ночью его разбудил хозяин: над Волгой поднималось зарево, горела их расшива. Галкин тут же бросился к берегу.

— Сергей Данилыч! — истошно вопил Семен Егоров — крестьянин деревни Антониха Гороховской округи вотчины помещицы

Ольги Александровны Жеребцовой, мужик сметливый и ответственный, — погорели, как есть погорели. Братцы! Да ведь и вспыхнуло-то Бог знает от чего!

— Приказчик где? — сильным голосом едва вымолвил Галкин.

Ответа не последовало. Мужики суетились: кто подтаскивал лодки с людьми и скудным добром с расшивы к берегу, кто бегал без дела, со страха не зная за что схватиться.

В этот миг расшива стала оседать на один бок. Раздался громкий треск, и судно грузно в какие-то считанные минуты скрылось под водой. Люди застыли в немом ужасе. «Теперь хозяин ничего не заплатит», — думал каждый работник, нанявшийся на работу к Заеву. Приказчика никто так и не видел.

Сергей Данилыч Галкин, опытный лоцман, хорошо знавший суровый нрав Петра Заева, счел за лучшее первым явиться к хозяину. Обскажав ему как все было, низко кланяясь в ноги, Галкин клялся в своей невинности, сваливая все на приказчика. Заев, разозлившись, тут же направился в городской магистрат и потребовал ареста исчезнувшего приказчика, хотя прожженный купец прекрасно понимал, что он никуда от него не сбежит.

Балахнинский мещанин Степан Григорьев Рукавишников, приказчик и водолив, нанятый Заевым на расшиву, всю свою жизнь, как и его предки, прожил в Балахне. «От дома и семьи никуда не денется», — чуть успокаиваясь, думал Заев. И он оказался прав. Не прошло и двух дней, как беглого приказчика поймали и доставили под стражей и магистрат. Рукавишников ничего не стал скрывать и рассказал Заеву и уездному стряпчему, что по своей оплошности поджег расшиву, но успел с крестьянином балахнинской экономической Покровской Слободы Сергеем Федориным, пока все спали, выгрузить часть хлеба и продать его. Все вырученные от продажи деньги — 100 рублей, он тут же отдал Заеву. Однако дело на этом не прекратилось, а было отправлено в Нижегородскую губернскую канцелярию, из которой в уезды и волости были разсланы указы о проведении дознания среди работных людей, находящихся на сгоревшей расшиве. Всего на расшиву было нанято Заевым 60 человек: приказчик, лоцман и 58 работных людей (на

весла). Это были в основном крестьяне из разных деревень Нижегородской губернии.

В балахнинский магистрат пришли показания крестьянина Павла Константинова, который сообщить ничего нового не мог по причине болезни: «Когда загорелось, меня положили в лодку и отвезли на берег».

Тем временем Степан Рукавишников в тюрьме заболел, «пришел в великую слабость и изнеможение». Убитая горем жена заключенного — Надежда Михайловна Рукавишникова написала прошение самому губернскому прокурору. Она умоляла освободить ее супруга под поручительство. Прощение, видимо, было подкреплено значительным подарком, так как прокурор немедленно начал действия по освобождению несчастного заключенного.

За Рукавишникова вступился и сам бургомистр Балахны Алексей Федотов. Много лет знавший его, и Петр Заев вынужден был уступить. Вскоре Степан Рукавишников был освобожден, и дело о «погоревшей» расшиве в балахнинском магистрате было закрыто.

БАЛАХНИНСКИЙ КУПЕЦ ПЕРВОЙ ГИЛЬДИИ ПЕТР СЕМЕНОВИЧ ЛАТУХИН

Петр Семенович Латухин — одна из самых значительных и загадочных личностей во всей балахнинской истории. Это был человек удивительного предпринимательского таланта. О его жизни нам сейчас известно крайне мало. Поэтому он предстает перед нами неким мифическим героем. Еще в середине 19 века известный нижегородский краевед, архимандрит Макарий (в 1866—1867 гг. был епископом Балахнинским) писал о Петре Латухине: «...богатый солепромышленник и поставщик казенных вещей в С.-Петербург».

В.Г. Короленко в своих очерках о балахнинской старине так же не обошел его вниманием. Показав его неограниченную власть в Балахнинском магистрате, который он возглавлял, будучи бургомистром.

Что же сейчас доподлинно известно о Петре Семеновиче Латухине? Откуда появились Латухины в Балахне?

Балахнинский краевед, кандидат филологических наук В.И. Рукавишников предполагал, что во второй половине 17 века в Балахне жили предки Петра Семеновича, т.к. в Писцовой книге Балахны 1674—1676 гг. среди дворов бедных посадских людей значится двор вдовы Палашки Латухиной с сыном Матюшкой. Других данных о балахнинских Латухиных в 17 веке пока нет.

Старший сын Петра Семеновича Яков Петрович Латухин о своем происхождении написал следующее (в 1792 году): «...по предкам своим сторожил...», «...от предков своих слышал, что они переселились из нова города из фамилии новгородцев Старковых...»

Очень жаль, что Петр Семенович, видимо, не очень интересовался своей родословной. Или может он просто скрывал свое не знатное, «плебейское» происхождение?

Так или иначе, в первой половине 18 века его имя первого из Латухиных, зазвучало в Балахне. В царствование Анны Иоановны Петр начал свою службу, но не военную, а чиновничью, и начал он с самой низшей ступени — с 1732 по 1736 год он служил писцом («писщиком») в городской таможне. Сразу оговоримся, что эта мизерная вроде должность требовала, во-первых, грамотности (что в те времена было большой редкостью), а, во-вторых, красивого почерка (еще большая редкость).

А как же дата рождения Петра Семеновича?

Ни в одном документе точной даты мы пока не встретили (но будем надеяться встретим). По разным записям разных лиц можно утверждать, что он родился в 1718-1719 гг. Следовательно, когда он стал писцом в таможне ему было не более 14 лет (неплохое начало для успешной карьеры).

С 18 лет он уже служил в Балахнинской ратуше, но неизвестно кем. А вот 27 февраля 1734 года происходит значительное событие в жизни Петра Семеновича. Этой датой подписан приговор балахнинских посадских об отводе места Петру Латухину и его брату Якову в Козьмодемьянской улице в Балахне (эта улица, предположительно, находилась недалеко от Волги). Т.е. Латухины строят дом или два дома, по дому каждый, и селятся здесь.

Два года, с 1744 по 1746 Петр Латухин служил в Балахнинской приказной избе подканцеляристом. Приказная изба являлась главной канцелярией, которая управляла всем обширным Балахнинским уездом. Служба Петра Семеновича, как мы видим, шла успешно, и не будем забывать такую деталь, что если человек служил «с умом» в таких важных правительственных учреждениях, где взятки, «поминки», были обязательными атрибутами, то он мог за несколько лет сколотить себе состояние. Понятно теперь из каких-таких ресурсов балахнинский чиновник низшего разряда Петр Латухин стал потихоньку приобретать рассолы в соляных трубах на балахнинском Усолье:

10 июня 1744 г. была оформлена купчая на рассолы, проданные Ф.И. Городчаниновым П.С. Латухину. 10 июля 1745 г. последовала купчая на 100 бадей рассола в трубе «Порубчихе», проданные богатым солепромышленником Михаилом Лоушкиным П. Латухину.

Подобные купчие потекли рекой. Петр Латухин стал набирать промышленные обороты.

Молодой, процветающий промышленник был для балахнинских купчих завидным женихом. Не мог его не заметить Михаил Лоушкин, у которого была дочь-невеста. Скоро состоялась свадьба Петра Латухина со Стефанидой Лоушкиной. Вместе с женой Петр Семенович получил от тестя и рассолы с варницами.

И вот наступает год 1748. Балахнинское общество, а точнее «воротилы» Балахны, избирают его своим бургомистром. Это был пик политической карьеры Петра Латухина. Он оставался на этом посту практически до конца своих дней, до 1781 года. «За это время, — напишет В.Г. Короленко, — он переполнил магистрат своими сродниками, свойственниками, кумовьями и крестниками до такой степени, что, казалось, в балахнинском магистрате на веки вечные водворилась латухинская династия». Как известно, у кого деньги, у того и власть, а у кого власть у того и деньги. Петр Латухин не только прибрал к рукам власть в Балахне, но и скупал все, что было можно. Особенно он занялся солью и торговлей. В городской обывательской книге города Балахны записано, что балахнинский купец 1-й гильдии П.С. Латухин «имеет в обращении хлебные и разные другие промысла и в подрядах поставкою соли и провианта». Да, сфера деятельности обширная.

Посмотрим теперь, чем владел Петр Семенович в Балахне. (Укажем только самое значительное).

1. Лавка в мучном ряду.

2. Лавка в мясном ряду.

3. 4 лавки в щепетильном ряду.

Отметим, что под «лавкой» подразумевается строение из рубленых бревен на фундаменте.

4. Прядильный завод для изготовления снастей для судов.

5. В рассолоподъемных трубах рассолов:
- Толстухе Большой — 82 бадьи,
 - Порубчихе — 100 бадей,
 - Наугольной — 175 бадей,
 - Новинной — 100 бадей,
 - Дубровинской — 175 + 25 бадей,
 - Соколин — 1/4 рассола,
 - Андреевской — 127 бадей,
 - Поддымной — 100 бадей,
 - Поспеловской — 51 1/3 бадьи.
- Всего более 850 бадей.

Названий варниц Петра Семеновича и их количество в обывательской книге не указано, кроме одной — Прибыток. Однако известно, что на одном црене вываривали 200 бадей рассола, а варницы строили на 1, реже на 2 црена, т. е. у Латухина было более 8 цренов. Варницы строились близко к рассольным трубам и по числу труб можно предположить, что варниц у него было не менее 8, конечно, только в том случае, если трубы были в рабочем состоянии — «несли рассол».

Однако заметим, что по указу от 16 декабря 1753 г. Балахнинское Усолье было уничтожено, а трубы запечатаны. Солеварение в Балахне возобновилось только после 1782 года (указ от 27 июня 1782 г.). Несмотря на запрет солеварения, П. Латухин продолжал приобретать варницы. Например, 29 ноября 1767 г. он получил владенный указ из городского магистрата на варницу в Балахнинском Усолье (наверное, по дешевке, про запас).

Продолжим список недвижимости Петра Латухина:

6. В Заусольской волости остров Глядены и сенные покосы (раньше принадлежал богатым купцам гостиной сотни Добрыниным),
7. Сенные покосы, стоящие за Волгой на Заусольской стороне,
8. Дом с каменными и деревянными покоем и службами на Воздвиженской Гриве (предполагаю, что это каменное здание, где сейчас располагается коррекционная школа),
9. Огородная земля на Никитской улице,
10. Земля напротив церкви Рождества Богородицы,

11. Земли на Новоинской улице близ Борисоглебской церкви,
12. Земли в приходе церкви Рождества Христова.

Мы не будем здесь утомлять читателя перечислением многочисленных амбаров, сараев, деревянных складов и другого подобного имущества, которым владел П. Латухин. Он просто-напросто скупил город, прибирая к рукам все, что плохо и даже хорошо лежало.

Петр Семенович был примерным христианином. Следуя доброй традиции балахнинских купцов покровительствовать церкви, Петр Латухин в 1748 г. купил место и построил на Большой дороге каменную церковь с колокольной во имя Знамения Богородицы с пределом Параскевы Пятницы (в настоящее время в этом здании бывшей Знаменской церкви располагается молокозавод, а колокольно снесли в Советское время). Рядом с церковью П. Латухин и поселился в большом каменном доме на земле, купленной им в 1749 году у Петра Игнатьевича Осокина, богатого балахнинского купца, директора медеплавильных заводов на Урале. Этот дом, большой и просторный, год от года наполнялся детьми. Петр Семенович был главой большого семейства. От первого брака со Стефанидой Михайловной Лоушкиной у Латухина родились дети:

1. Яков (род. в 1748—50 гг.)
2. Семен (род. около 1753 г.)
3. Пелагея (род. около 1754 г.)
4. Иван (род. около 1759 г.)
5. Марфа (род. около 1767 г.)

От второго брака с Аксиньей Алексеевной — дочерью Гороховского купца Алексей Петрова сына Докукина:

6. Прасковья (род. около 1777 г.)
7. Анна (род. около 1780 г.)
8. Петр (род. около 1782 г.)

Дети от второго брака у Петра Семеновича появились на свет, когда у него уже были внуки. Вторая его жена была моложе его на 40 лет, но и пережила мужа только на 10 лет. Несомненно, что Петр Латухин был человеком необычным во всех отношениях. Память о нем живет уже третье столетие. Он стал родоначальником целой династии Латухиных, балахнинских мещан, купцов и дворян.

«Его превосходительство» — балахнинский купец

Историческая миниатюра

*«Плох тот солдат,
который не мечтает стать генералом»*

А.В. Суворов

Замечательных людей рождает древняя Балахнинская земля, но удивительная человеческая память бережет не все их имена. Многие канули «в Лету», некоторые просто затерялись в житейской круговерти. Сколько интересных людей, человеческих судеб, некогда живших, творивших, ждут часа своего нового появления на свет, своего воскрешения? Мы не можем не помнить, забыть их, ведь без них не было бы нас, нашего города, нашей России. Именно они по крупицам, из года в год, из века в век создавали все то, чем жива Россия.

Откроем маленькую страничку балахнинской истории.

Блестящий 18 век, век Екатерины Великой требовал блестящих людей. Расцвет науки и культуры, громкие победы русской армии повышали спрос на образованность, храбрость и обыкновенную житейскую мудрость.

1.

Балахнинский солепромышленник, купец 1-й гильдии Яков Петрович Латухин был по натуре человеком властным, привыкшим всего добиваться в жизни. Ещё из детства он вынес глубокое убеждение, что на Бога надеяться можно, но и самому не плошать. Деятельность — главный залог успеха. Отец его, Петр Семёнович, первым из Латухиных выбился в люди. Сколотив себе значительное состояние, он был избран бургомистром и «правил» Балахной больше 20 лет.

Яков Петрович, владея солидными отцовскими капиталами, имел лишь одну мечту, не скромную, но, как он считал, вполне осуществимую, чтобы его сын стал дворянином. От этих мыслей

он входил в состояние блаженства, и ему вдруг страшно хотелось видеть сына. Тогда он шел, да нет, не шел, а бежал в женские покои, цыкал на няньку и разговаривал с Николаем Яковлевичем о его будущем. Николай Яковлевич при этом строил жалостное лицо и начинал залиvisto реветь. Наследнику Латухину едва исполнилось полгода. Видя отца редко, только в минуты ностальгического настроения отца, мальчик не узнавал его лица и всегда плакал.

Едва Николаю Яковлевичу исполнилось 5 лет, он был зачислен в Артиллерийский Шляхетский кадетский корпус солдатом. Звание военного считалось в то время достойнейшей участью человека. Посещать корпус было не обязательно, и многих воспитанников отпускали домой для «прохождения наук». Прошли детские годы и годы отрочества. В 21 год сержант Латухин был произведен в прапорщики и направлен на действительную службу в Оренбургский 3-й полевой батальон, далеко от родного дома.

2.

В 30-е годы 18 века была сооружена Оренбургская укрепленная линия — сеть крепостей, редутов, форпостов для России. Граница эта была весьма беспокойна, и Николаю сразу пришлось понюхать пороху. За усердную службу от Оренбургского губернатора князя Волконского Николай получил свою первую в жизни награду — часы.

После смерти императрицы Екатерины к власти пришел ее любимый сын — Павел. Восторженный поклонник Фридриха Прусского, он стал перестраивать русскую армию по прусскому образцу. Проведенная им военная реформа повлекла за собой значительные изменения в составе и дислокации войск.

Николая Яковлевича перевели в Уфимский пехотный полк, в котором он прослужил без малого 10 лет. Его карьера круто шла в гору: полковой адъютант, поручик, штабс-капитан, капитан.

Начало 19 века — время блестящих побед французской армии Наполеона Бонапарта. После сокрушительного разгрома Пруссии единственным, серьезным противником Наполеона на континенте оказалась Россия. Война между ними была объявлена 15 нояб-

ря 1806 года. В русские военные части, расположенные в Пруссии, стягивались силы из внутренних губерний.

Николай Латухин в 1806 году был переведен в действующую армию в 26 Егерский полк. В начале 1807 года военные действия проходили в Восточной Пруссии. Это было трудное время для Николая, но и для всей русской армии. Действуя в составе иррегулярных войск, он «за расторопность», как было написано в приказе, был награжден орденом Святой Анны IV степени. Всю первую половину этого года капитан Латухин он провел в постоянных сражениях с противником. Кульминацией этой войны стало знаменитое сражение под Фридляндом, продолжавшееся несколько дней и окончившееся неудачно для русских. «1807 года 2-е июня ознаменовано было неимоверной храбростию, неимоверными усилиями войск наших, и при всем том этот день был днем бедственным для нашего оружия», — писал об этом сражении Денис Давыдов.

Несмотря на то, что война против Наполеона закончилась неудачно, службу Николая высоко оценило командование. Ему присвоили очередное звание — майора.

3.

А дальше его ждала далёкая, холодная Финляндия — неожиданно для всех началась война со Швецией.

Русским войскам была поставлена задача — овладеть Финляндией. Многочисленные озера, вязкие болота, глубокий снег и густые непроходимые леса затрудняли действия войск. В таких сложных условиях были необходимы особые подвижные воинские формирования — егеря или стрелки легкой пехоты. Отличаясь большой маневренностью, егеря вели разведку и охрану, умело действовали в рассыпном строю.

Николаю и здесь повезло. Ему посчастливилось воевать под командованием удивительного человека, храбрейшего воина — генерал-майора Якова Петровича Кульнёва. Требовательный к себе, храбрый до безумия Кульнёв кидался в бой, ожидая соответствующих действий и от своих подчиненных. Солдаты не могли его

подвести, просто не имели морального права. Особенно отличались егеря — цвет русского воинства, а под его командой они были просто неустрашимы. В атаке их не могли остановить ни сыпавшиеся на них пули, ни сабельные удары — это был один всепоглощающий порыв.

4.

Николай понял, что ранен только тогда, когда глаз совсем заволокло чем-то липким, а нога совсем не хотела двигаться. Вид своей же крови придал ему уверенность в победе, его захлестнуло чувство всеобъемлющей любви к своей родине, к своим близким. Он знал, что он никогда не уступит ни клочка земли, хоть на один миг завоеванной русским воином. Это был миг, когда Николай почувствовал себя нужным, необходимым Кульнёву, своему отцу и всем тем, кого он знал и любил.

Силы покидали его незаметно. Вот он еще движется, вот он что-то кричит, и вот уже нет НИ-ЧЕ-ГО...

Пробуждение его было тяжелым. Серая изба финского крестьянина. Чужая речь. Просыпаться не хотелось, он был еще в бою, но нежные руки финской девушки вернули Николая в действительность.

Если бы он мог предвидеть, что будет еще тяжелей! А сложнее всего было осознание того, что он не сможет больше воевать, не сможет сражаться с врагом. Рана на голове оказалась легкой, но в ноге крепко засела шведская пуля и не давала ходить.

Везение ему всегда сопутствовало в жизни, не покинуло оно его и сейчас. Яков Петрович Кульнёв, узнав, что его лучший артиллерист тяжело ранен, на аудиенции у губернатора своим громовым голосом изрёк: «Прошу майора Латухина вследствие его тяжелых ранений, полученных во славу Его Императорского Величества, зачислить в штат военного губернатора вновь приобретенной Финляндии». Губернатор Финляндии генерал Обрезков несколько возмущившись столь дерзкими речами любимцу армии и фортуны — Кульнёву отказывать не стал, и Латухин был назначен адъютантом военного губернатора Финляндии.

Теперь воинская, а вернее адъютантская лямка тянулась для Николая ужасно долго. Его угнетала не служба, а видимость службы. Раны все чаще давали о себе знать. И вот он уже не бравый офицер, а уставший раненый солдат.

Желаемое облегчение принесло окончание шведской войны. Николай с радостью подал в отставку.

Получив же её, он не знал, куда деть свою кипучую энергию, свои нерастроченные силы. Решение пришло само собой, его подсказали умные друзья. Несколько визитов к нужным людям, и его судьба решена. Он был зачислен в штат инспекторской экспедиции по войскам. Перед ним открылась, столь презируемая им ранее, карьера чиновника.

Наконец-то осуществилась мечта его отца: за беспорочную многолетнюю службу кавалер ордена Святой Анны IV степени Николай Яковлевич Латухин получил личное дворянство. Теперь Яков Петрович с радостью и гордостью в письмах сыну именовал его не иначе, как «Ваше превосходительство».

Вскоре Николай переехал в Петербург. Жизнь в блестящей северной столице, служба в Инспекторском Департаменте Главного Штаба придали, теперь уже полковнику, Латухину внешний лоск, сознание собственной значительности.

Вторжение в Россию французской армии в 1812 году пробудило в Николае Яковлевиче его лучшие чувства патриотизма. Находясь в тылу в трудный для России час, Николай Яковлевич скорбел об ушедшей юности, о тех днях, когда он лихо сражался с французами. Теперь ему приходилось довольствоваться невысокой чиновнической должностью.

По окончании войны правительство Александра Первого решило наградить представителей дворянства и купечества, непосредственно не участвовавших в военных действиях, но «содействовавших победе армии», бронзовой медалью «1812 год». Такую медаль на Владимирской ленте для ношения в петлице Николаю Латухину прислал Нижегородский губернский предводитель дворянства.

5.

Жизнь в столице все более и более тяготила Николая Яковлевича, к тому же в родной Балахне сильно заболел его отец. Перед смертью он хотел увидеть своего любимца и передать ему бразды правления. Теперь у Якова Петровича мечта была другая. Он хотел, чтобы его старший сын и наследник вернулся в родной дом и занялся тем, чем занимались его деды и прадеды — соляным промыслом. «Соль земли русской», как говорят о чем-то коренном своем, любимом, необходимом. Соль стала основой жизни и основой благополучия Латухиных. Это понимал и сам Николай. Балахна звала его!

Военный советник, кавалер, а теперь и дворянин — Николай Яковлевич Латухин вернулся на Родину. Но видеть красавца-офицера отцу его так и не довелось. Он потерял зрение, отошел от дел и ему осталось только одно — жить воспоминаниями о прошлом славном времени. Поселившись в родном городе, он начал новую жизнь — жизнь «его превосходительства» балахнинского купца-солепромышленника. Жизнь побросала его по свету, но родная земля призвала его к себе. И только ей он должен был отдать все, что у него было — свою любовь, преданность да и саму Жизнь.

БАЛАХНА В ПЕРИОД ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ I

По статистическому отчету за 1835 год

В 1834 году по указу Николая I в России были созданы статистические комитеты. Целью этих учреждений был сбор необходимых правительству сведений, по губерниям обширного государства. Отчеты городов и уездов Нижегородской губернии в Нижегородский губернский статистический комитет содержали не только цифровые данные, но и этнографический материал, сведения о происхождении и основании городов, о развитии промыслов и т.д. Рапорты Балахнинской градской полиции, отчеты о топографическом и географическом положении Балахны и многие другие документы по количеству содержащейся в них информации и по ее достоверности имеют для истории Балахны и уезда огромное значение.

Первый отчет в губернский комитет из Балахны за 1835 год был отправлен 20 января 1836 г. В нем содержалась подробная информация о жизни провинциального городка в николаевскую эпоху.

Расположенный на правом берегу реки Волги, город был окружен болотами. При умеренном климате над Балахной часто растилася туман от болот и от дыма многочисленных варниц, в которых вываривали соль. Город растянулся вдоль волжского берега на 3 версты (примерно 3,3 километра) и занимал 115 десятин земли (около 125 гектар). Из них лишь 32 десятины были пригодны для использования.

Балахна была разделена на 2 квартала и 15 улиц. В городе имелась только одна площадь (Соборная) и один бульвар, устроенный в 1825 г. Зато было большое количество мостов — 21.

В 1835 г. в городе проживало: дворян 57 человек, духовенства 153, купцов 158, мещан 2287, разночинцев 150, военнослужащих с женами и детьми 232, крестьян 124; все население составляло 3233 человек: 1622 мужчин и 1611 женщин.

В городе преобладала деревянная застройка. Из 625 домов лишь 16 были каменными. Украшением Балахны были, конечно же, церкви: 9 каменных и 3 деревянных.

Жители Балахны занимались главным образом солеварением, постройкой и продажей судов, кирпичным производством. Не многочисленное купеческое сословие, представленное купцами 3-й гильдии (ко 2-й гильдии был приписан только 1 купец), занимались хлебной торговлей и перевозкой грузов вверх и вниз по Волге. В 1835 г. балахнинским владельцам принадлежали 28 речных судов, несмотря на то, что в городе не было ни пристани, ни торговых складов.

Промышленность была представлена следующими «заводами»: 22 солеваренными (в них было цренов, 3 бездействовали), 22 кирпичными, 3 гончарными, 2 горшечными, 2 солодовенными, 2 сатурными, 1 пивоваренным и 1 чугунным. Всего 55 предприятий. Следует учитывать, что эти заведения являлись небольшими кустарными и полукустарными заведениями с малым числом рабочих (от 1 до 6 человек). Исключение в этом смысле составляли лишь солеваренные «заводы». Но добыча соли к этому времени продолжала сильно сокращаться.

Торговля развивалась слабо, т.к. обслуживала только потребности поселений внутри уезда правого волжского берега. В Балахне базар действовал лишь 1 раз в неделю (в четверг), а ярмарок и вовсе не было. Торговля велась в 80 лавках, 1 гостином ряду, в 3 питейных домах и 4 винных погребах. К услугам приезжих были 3 гостиницы и 3 постоялых двора. Городские доходы от промышленности и торговли в 1835 г. составляли 89 тыс. рублей.

В 30-е годы в Балахне действовало 2 училища: уездное и приходское Покровское, открытое в 1811 г. В них преподавало 4 учи-

теля и обучалось 77 человек: 69 мужчин и 6 женщин. «Человеколюбивые» заведения были представлены двумя богадельнями: мужской и женской и одной больницей на 20 кроватей. В градской полиции на службе состояли один городничий и один квартальный надзиратель, хотя по Высочайше утвержденному штату 1 сентября 1804 г. положено было быть по уездным городам двум квартальным надзирателям, одному письмоводителю и двум канцелярским служащим. Городская пожарная часть располагала необходимым инструментом для тушения пожаров: трубами, баграми, щитами, лестницами. Пожарную службу несли 12 человек бывших военных из инвалидной команды. Ночной покой балахнинцев охраняли 9 сторожей. На окраинах города были две заставы и острог (городская тюрьма). В Балахне были поставлены на постой воинские части: штаб резервной бригады 16 пехотной дивизии и штаб пятого батальона Суздальского пехотного полка.

Данные статистического комитета позволяют проследить справочные цены на основные продукты питания. За четверть ржаной муки в 1835 г. платили 10 рублей, за такую же меру гречневой крупы — 17 руб. 25 коп., за овес — 4 руб. 45 коп., за фунт говядины — около 10 руб.

Городничий майор Щидорецкий отметил в своем донесении, что промыслы в Балахне отсутствуют, равно как и овцеводство, коневодство, пчеловодство и рыболовство. Город оказался беден и на «собираемых предметах по зоологии, этнографии и других любопытных сведений».

30-е годы 19 века для Балахны были временем экономического застоя и упадка, начатого еще в 18 веке. Новые промышленные заведения не открывались, затраты на добычу соли уже не оправдывались ее продажей. Население уходило на заработки в Нижний Новгород и другие города. Однако Балахна не могла потерять своего значения в силу того, что город был административным центром огромного уезда. Близость к богатому Н.Новгороду и ярмарке, недавно открывшейся (в 1817 г.) также давала свои преимущества (через Балахну проходила дорога на Н.Новгород — Костромской тракт).

Правление в России Николая I (1825—1855 гг.) не могло способствовать никаким переменам в жизни российских городов, особенно, провинциальных. Полосатые будки сторожей и полосатые же шлагбаумы, строжайшие нравы — вот главная особенность его царствования «мне нужны не ученые, а исполнители!» — как-то воскликнул он. Будучи сам необразованным, он ненавидел умных, образованных людей. Перемены были необходимы. Наступало время железных дорог и общего подъема в торговой и промышленной жизни.

Но это пока касалось только крупных городов, таких как Нижний Новгород. А Балахна со своим полукустарным производством плелась позади по всем показателям экономического развития.

Город как бы замер. Оцепенел. Не умер, но заснул и ждал пробуждения. Ждал, пока сказочный великан не разбудит его, не вдохнет в него новую жизнь.

БАЛАХНИНСКИЙ МЕЦЕНАТ

Нижегородская земля на рубеже 19-20 веков была богата на меценатов. Достаточно вспомнить купцов Руковишниковых, Бугрова, Блинова. Были и такие люди в Балахне. Особое место среди них занимал Александр Александрович Худяков. Это личность значительная, неординарная и во многом противоречивая. Едва ли можно дать однозначную оценку его деятельности. Это яркий представитель купеческого сословия, набирающий силу во всех сферах общественной жизни пореформенной России. Имея значительные капиталы, владея недвижимостью и различного рода предприятиями, российское купечество уверенно вытесняло дворянство с ведущих позиций.

В Балахне на протяжении веков промышленные заведения находились в руках купцов, которые вели активную торговлю, имели большие связи, занимались строительством.

А.А. Худяков родился в 1846 г., получил домашнее воспитание, что по тем временам было обычным явлением. В 37-летнем возрасте купец 2-й гильдии А.А. Худяков впервые был избран в гласные балахнинской городской Думы, где было сосредоточено управление местного хозяйства. По городовому положению 1870 г. гласные городской Думы избирались на 4 года на основе имущественного ценза. Дума занималась вопросами внешнего благоустройства города, устройством рынков и базаров, вопросами попечительства местной торговле и промышленности, здравоохранения и народного образования.

В 1884 г. Худяков был избран на должность церковного старосты Воскресенской церкви (здание современной типографии). По

утверждению Нижегородского Губернского Училищного совета с 15 января 1887 года он является попечителем Балахнинского Воскресенского Начального училища. Кроме этих должностей Худяков занимал в эти годы и ряд других. Он являлся кандидатом в члены Балахнинского Сиротского Суда (с 27 июня 1887 г. по 27 июня 1890 г.), членом Балахнинского Податного Присутствия по обложению торговых предприятий, содержащихся по гильдейским свидетельствам (с 1888 по 1891 г.), членом учетного комитета при Балахнинском городском общественном Банке.

Сфера его деятельности широка и многопланова. Служба А.А. Худякова на общественных должностях была высоко оценена: 23 июня 1890 г. он был награжден серебряной медалью для ношения на шее на Станиславской ленте «за полезное прохождение должности церковного старосты и пожертвования в пользу церкви».

Постановлением городской Думы от 5 июня 1894 г. он избирается на 4-летний срок на высшую городскую должность, которой мог достигнуть человек из купеческого сословия, — должность городского головы. 15 сентября этого же года Худяков становится членом Балахнинского уездного училищного Совета.

В личной жизни А.А. благополучия не было. Его жена — Александра Евграфовна не подарила ему наследников, поэтому вся энергия этого человека была направлена на общественную деятельность. А.А. Худяков занимался судостроением, что позволяло ему покровительствовать Воскресенскому приходскому училищу.

Это училище было учреждено при Воскресенской церкви в 1887 г. Со дня своего открытия оно располагалось в наемном доме Чернышеноквой, но по ветхости в 1839 г. было переведено в дом наследников Пусковых. Один из наследников старого владельца — Сергей Владимирович Пусков — имел чин статского советника и служил учителем в Нижегородской гимназии. Однако, и их дом плохо соответствовал своему назначению, вследствие его отдаленности от прихода. Кроме того, помещение требовало значительного ремонта, несмотря на подобные неудобства, общественное управление исправно платило владельцам дома квартирные деньги в сумме 100 рублей в год.

Будучи попечителем училища А.А. Худяков на собственный счет

предпринимает строительство нового здания специально для училища и квартиры учителя с надворными службами близ церкви Воскресения.

Это было добротное деревянное здание под железной крышей на каменном фундаменте длиной 7 и шириной 6,5 сажень (сажень — 2,13 м). В доме имелось просторное помещение для класса на 80 учеников и квартира учителя из 3-х комнат. Надворные службы состояли из бани, погреба и дровяника.

Достроив здание и «прикупив» новые учебники и различные ученические принадлежности, А.А. Худяков 6 сентября 1894 г. обратился в Городскую Думу с прошением о принятии пожертвованного им здания под приходское училище. Дума, под председательством самого же Худякова, с великим удовольствием приняла подарок балахнинскому обществу с изъявлением искренних чувств благодарности жертвователю. Члены Балахнинской Думы решили пойти дальше и воспользоваться прекрасной возможностью изъять свои верноподданные чувства. Они обратились к нижегородскому губернатору и директору народных училищ с нижайшей просьбой: в память о бракосочетании наследника престола Российской империи Николая Александровича с принцессой Гессенской Алисой присвоить Воскресенскому мужскому училищу наименование Николаевского. «Высокое начальство» просьбу балахнинского общества удовлетворило, но обязало Земское собрание взять на себя все расходы по училищу.

15 мая Городская Дума совместно с Земским собранием приняла на себя расходы по содержанию здания, его страхование, отопление, ремонт, а также содержание прислуги и все другие расходы, которые могли возникнуть со временем. Содержание преподавателей было определено суммой в 360 рублей в год.

В построенном купцом Худяковым здании в Советское время размещалась школа. В 70-х годах 20 века оно было снесено. Не одна тысяча балахнинцев за это время смогла получить начальное образование в его стенах.

О балахнинском меценате Александре Худякове до сих пор нам напоминает его дом на Набережной, где ныне располагается детский сад № 1.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ГРИНЕВИЧ

Балахнинские уездные предводители дворянства

М.И. Гриневиц известен многим балахнинцам как первый председатель Балахнинского уездного собрания и земской Управы. Однако далеко не все знают, что он был участником войны с французами в 1813—1814 годах, являлся одним из организаторов парада в Москве 10 сентября 1839 года по случаю закладки храма Христа Спасителя. Важнейшие события русской истории красной нитью прошли грубую холстину его жизни, безземельный помещик, без средств, своей безукоризненной службой добрался до высших руководящих должностей уездного дворянского аппарата. А начинал он с нуля, шаг за шагом...

Михаил Иванович родился в 1797 году в семье небогатого дворянина. Воспитание получил домашнее, так как у родителей не было финансовых возможностей отправить сына учиться в город. Гриневиц стал настоящим «сыном 1812 года», точнее не 12, а 1813 года. Поэт В.А. Жуковский писал об этом времени так: «Я записался под знамена не для чина, не для креста..., а потому, что в это время всякому должно было быть военным». Юный Гриневиц поступил также. Как только ему исполнилось 16 лет, он был принят на службу. 14 мая 1813 года его зачислили в 12-й егерский полк юнкером. И сразу — большая удача — участие в победоносном освободительном шествии русской армии по Европе. С 20 августа 1813 по 4 сентября 1814 года юный Гриневиц со своим полком прошел Польшу, Германию. И 18 ноября 1814 г. был произведен в портупей-юнкеры.

После войны он остался служить в родном полку, год за годом повышаясь в званиях. В 1831 г. майор Гриневиц по воле началь-

ства был переведен в 30-й Егерский полк, потом Рижский пехотный полк. С 1835 г. Гриневиц служил в Москве в Бутырском пехотном полку, командуя 5-м батальоном. За исправное содержание во «второй столице» караулов и за организацию смотров полка Михаил Иванович несколько раз получал «Высочайшие императорские благоволения».

10 сентября 1839 г. в Москве состоялась закладка грандиозного памятника Отечественной войне 1812 г. — храма Христа Спасителя. Одним из организаторов парада стал М.И. Гриневиц. «За отлично усердную и ревностную службу» 3 апреля 1842 г. Гриневиц был награжден орденом Анны 3-й степени.

Будучи еще не старым и очень бодрым, Михаил Иванович попросился в отставку и был уволен от службы «за болезнию» 10 марта 1845 г. в звании полковника с мундиром с выплатой полного пенсионера, сумма которого составила 421 руб. 40 копеек.

Гриневиц поселился в Балахне в доме жены — Анны Николаевны, единственной дочери Николая Яковлевича Латухина, личности в Балахне очень известной. Недавно умерший Николай Латухин оставил дочери каменный дом в Балахне и земли в Балахнинском и Нижегородском уездах.

Гриневиц сразу резко выделился в немногочисленном кругу балахнинских дворян. Многолетняя служба приучила его к строгой дисциплине, собранности. Во времена императора Николая I военные были привилегированным сословием. Их в первую очередь избирали на общественные должности, несколько лет прожив в Балахне, Гриневиц полностью расположил к себе балахнинских дворян и уже в 1852 г. Дворянское собрание избрало его в предводители уездного дворянства. На этой должности он оставался более 15 лет, до самой своей смерти. Гриневиц занял это «место» в сложнейшие для русского крестьянства и дворянства предреформенные годы. Дворянство находилось в критическом положении: с одной стороны давило бедное безземельное крестьянство, не давая дворянину необходимых ему налогов, с другой — наступало купечество, захватывающее экономические рычаги управления уездом и губернией. Дворяне были зажаты со всех сторон. Сам Гриневиц как раз и

являл собой тип «нового русского дворянина», не помещика-хозяйственника, а общественного деятеля, организатора.

Во второй половине 50-х годов 19 века на местах организовываются различные комитеты с целью улучшения экономического положения и общественной жизни России. В 1856 г. Гриневиц был назначен на должность старшего директора балахнинского тюремного комитета. В 1858 г. — еще один комитет, но на сей раз губернского значения. При Нижегородском губернаторе был создан Нижегородский губернский дворянский комитет по устройству быта помещичьих крестьян, куда и был направлен для работы Гриневиц от Балахнинского уезда.

Михаил Иванович от жены владел всего 120 душами крестьян, которые «поили и кормили» супругов Гриневицев, так как служба на общественных должностях не приносила ему никакого дохода. «Великая крестьянская реформа» 1861 года нанесла помещику Гриневицу сильный удар: крестьяне стали временнообязанными, а не частновладельческими, хотя еще несколько лет до полного выкупа, выплачивали своим хозяевам оброк.

Земская реформа 1864 г. вознесла Михаила Ивановича на высшую ступень в иерархии балахнинского уездного чиновничества. На первом же земском собрании 20 сентября 1865 г. он был избран его председателем и возглавил уездную земскую Управу. Став первым лицом балахнинского уезда, Гриневиц соединил в себе «управление» в городе и уезде. Однако это было скорее «ненастойчивое руководство». По сути, он не мог отдавать приказы земцам: ни дворянам, ни даже крестьянам. В его руках находились неэкономическая сфера: дороги, мосты, школы, библиотеки, здравоохранение, все то, что находилось на стадии зарождения. Государство не могло и не хотело заниматься столь незначительными вопросами и «скинуло» их в земство, в благодарность отправляя туда и ордена. Так, Гриневиц за свою общественную деятельность получил массу наград: орден святого Станислава 2-й степени, орден Владимира 4-й степени, орден Анны 2-й степени, бронзовую медаль на Владимирской ленте в память войны 1853—1856 гг., медаль на Александровской ленте за нахождение в комитете по освобождению крестьян.

«Он был в полном смысле земским человеком», — говорили о нем коллеги-земцы. Главную цель в работе земского собрания Гриневич видел в равномерном распределении повинностей между всеми сословиями балахнинского общества, так как крестьяне «несут еще на себе государственную денежную, известную под именем подушных податей и рекрутскую повинность». Он утверждал так в 1866 году, в самый разгар либеральных реформ императора Александра Освободителя. В 1869 г., уже после его смерти, писали, что он «много работал для блага общего, вспомните, как трудно ему было расстаться с земской копеечкой, его скупость в некоторых случаях доходила до скряжничества, а между тем этот по-видимому скряга, не задумался предложить собранию о назначении трех земских врачей и собрание согласилось и утвердило это предложение».

С первых дней работы уездная Управа (присутствие, т.е. приемная и канцелярия) располагалась в доме Гриневичей — в настоящее время это здание милиции по проспекту Дзержинского. Деньги за аренду помещений с земства Михаил Иванович старался не брать, исключая те случаи, когда находился в весьма стесненных обстоятельствах. Служба в Управе стала приносить Гриневичу на старость лет неплохой доход — 1500 рублей в год, но все хуже становилось здоровье. В 1868 г. незадолго до смерти он отказался быть губернским гласным, силы были на исходе.

У Гриневичей была большая личная драма — они не имели детей, затухала прямая линия дворян Латухиных-Гриневичей.

В Нижегородском архиве сохранились письма Михаила Ивановича к жене, Анне Николаевне. Ему по долгу службы приходилось много разъезжать, встречаться и общаться с людьми. Письма Михаила Ивановича, написанные прекрасным почерком, очень нежные и добрые. Он описывает своей «Аннушке» все, что происходило с ним во время их разлуки, в мельчайших подробностях. Анна Гриневич всю жизнь хранила эти письма и, благодаря именно ей, мы можем мысленно воссоздать образ этого человека: дворянина, скряги, земца.

ГОРОДСКИЕ ЧАСЫ С БОЕМ

В каждом уважающем себя русском городе были свои городские часы. Устанавливались они на центральном соборе города. Главным храмом Балахны с 1538 года был Вознесенский собор, располагавшийся в центре Балахнинской крепости. Храм Вознесения Господня до начала XVIII века был деревянным с папертью, шатровым верхом и с тремя приделами. Рядом стояла также теплая деревянная церковь с двумя приделами и трапезной — во имя Пресвятой Богородицы Печерской, с ветхой рубленой в восьмерик колокольней. На ней были установлены боевые железные часы без четвертей, приведенные боем к колоколам. Таковым предстает перед нами архитектурный ансамбль главных балахнинских церквей по Писцовой книге 1674—1676 гг. Собор был знаменит иконой Владимирской Божьей Матери, присланной городу царем Алексеем Михайловичем (1645—1676 гг.).

Каменное здание Вознесенского собора было построено в 1727 г. и на нем были установлены городские часы с боем. О том, как они функционировали, история умалчивает. Однако известен случай, когда в 1891 г. часы перестали заводиться.

Городская Дума, ведавшая делами общегородского значения, поручает Городской Управе отыскать часового мастера для выявления причин неисправности. Такой мастер был найден. Обследовав часы, мастер Николай Александров Верхорубов, сделал заключение что ремонт должен состоять в следующем:

1. перевесить шестерни в колесах, что будет стоить — 30 рублей.
2. сменить барабаны, за 15 руб.

3. уделать секундное колесо — 5 руб.

4. вставить в станке новые подшипники и приточить концы осей — 50 рублей.

За весь ремонт мастер запросил 100 рублей с ручательством на 5 лет.

Городская Управа подала доклад о приведении в порядок часов в Городскую Думу, однако, денег в городской казне не нашлось.

Прошел почти год, и в Городскую Управу поступает новое предложение от отставного матроса 1-ой статьи Прохора Андреева Сапожникова. Этот мастер запросил за свою работу ни много, ни мало, а тоже 100 рублей серебром.

Городской Думе на этот раз пришлось раскошелиться. «Отцы города» согласились, но поставили мастеру условие: сделать ремонт «без малейшего упушения».

Ремонт предстоял непростой. Необходимо было снять часы с места, провести ремонт и поставить их на место снова.

Проверку поручили Члену Управы Г. Зеленихину, который привлек к этому делу крестьянина Петра Замашкина, взяв с него расписку в том, что все кузнечные работы по ремонту часов выполнял сам Сапожников.

Деньги отставной матрос получил не сразу, но за работу взялся только после получения небольшого аванса в 5 рублей. По окончании ремонта Сапожников получил 75 рублей и только по истечении шести месяцев, при условии безукоризненной работы часового механизма, мастеру была выплачена оставшая сумма в 20 рублей.

Часы на Соборной колокольне простояли вплоть до ее уничтожения в 30-х гг. XX века, когда на этом месте началось строительство школы № 6. Сейчас механизм городских часов, о котором так заботились «отца города», находится в Балахнинском краеведческом музее. Балахнинцы не смогут услышать боя, но хотя бы смогут увидеть наши знаменитые часы, которые отсчитывали безвозвратно ушедшее время некогда процветающего уездного города.

Колокольный завод Чарышниковых в Балахне

Литейное производство является одним из самых древних видов искусства обработки металлов, которое освоило человечество. Объектами литейного производства на Руси являлись предметы церковного обихода (колокола, церковные двери, паникадила, подсвечники, кресты, иконки-складки), предметы домашнего обихода (рукомойники, котелки и т.п.) и предметы вооружения (топоры-секиры, ножи, наконечники стрел, копий, рогатин и др.). После принятия христианства в 988 году на Руси начали возникать производственные центры отливки предметов для церкви. Особое место занимало колоколотейное производство. Колокола были известны еще в глубокой древности. Наиболее древний из дошедших до нас — это ассирийский колокольчик эпохи Салманасара II (860—834 гг. до н.э.), имевший 8 см. высоты.

Русские литейщики достигли большого совершенства в работе уже к началу 14 века. В 1532—1533 гг. в Москве были отлиты два больших колокола — один в 500, а другой в 1000 пудов мастером Николаем Немчином. Особенно благоприятным для колокольного производства было время Ивана Грозного, при котором, помимо отливок из бронзы, впервые начали производить отливку колоколов из чугуна.

Успешному развитию литейного производства способствовали мероприятия, проводимые Петром I для поощрения частной инициативы. Образцом такого рода деятельности служит указ об учреждении в России Берг-Коллегиума. В первом пункте указа предписывалось: «I. Соизволяется всем и каждому дается воля какого бы чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях, искать, плавить, варить и чистить всякие металлы и минералы... к чему каждый только промышленник принять может, колико тот завод и к тому подобное иждивение востребует...».

В XVIII веке в северной и центральной России один за другим возникали литейные заводы. В период конца XVIII — начала XX веков заводы по производству колоколов в подавляющем боль-

шинстве были маломощными полукустарными предприятиями. До Первой Мировой войны колокололитейных заводов в России насчитывалось около 20: по два завода в Москве, Валдае и Саратове и по одному — в Ярославле, Гатчине, Елабуге, Н. Ломове, Харькове, Воронеже, Ростове-на-Дону, Петербурге, Слободской (Вятской губернии), с. Гордеевке (Нижегородская губерния), Балахне и Костроме. Кроме того, восемь отечественных заводов изготавливали мелкие колокольчики. Общая годовая продукция всех этих заводов составляла около 120000 пудов¹. Литейным искусством особенно славился Ярославль. Здесь жили отличные мастера, отливавшие колокола, как в самом Ярославле, так и в других городах. Вероятно, в середине XVIII века в Ярославле был основан колокололитейный завод, впоследствии известный как завод Товарищества «П.И. Оловянишников и Сыновья». Мастера этого завода Оловянишников и Чарышников выполняли крупные заказы церквей. В 30-е гг. XVIII в. ими были отлиты колокола для Демидовской колокольной в Ярославле. В 1856 г. по личной инициативе императора Александра Второго на заводе С.Д. Чарышникова был отлит колокол для Соловецкого монастыря весом в 75 пудов из металла, взятого из Петропавловского собора в Петербурге от ритуальных украшений при погребении Николая Первого, в царствие которого монастырь отразил нападение вражеской эскадры во время Крымской войны 1853—1856 гг.² В 1853 г. Семен Чарышников во время действия Нижегородской ярмарки отлил для Нижегородского Печерского монастыря Большой колокол весом в 315 пудов 2 фунта³. С 1882 г. завод стал вырабатывать колокола, стремясь не только к одной благозвучности, но и определенному тону, подбирая целые звоны того или другого аккорда⁴. С этим, вероятно, связан тот факт, что в начале 80-х годов

¹ Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР 9—18 веков. Часть 1. М.-Л., 1947. С. 96.

² Духин И.А. Тайна царского серебряного колокола / Знаменитые колокола России. М., 1994. С. 186.

³ Филатов Н.Ф. Купола, глядящие в небеса. Нижегородское храмовое зодчество 17—20 вв. Нижний Новгород, 1996. С. 219.

⁴ Оловянишников П.И. История колоколов и колокололитейное искусство / Знаменитые колокола России. М., 1994. С. 145—147.

XVIII века сын Семена Чарышникова ярославский цеховой колокольный мастер Сергей со своей семьей уезжает из Ярославля и перебирается в Балахну с намерением основать здесь колокололитейную мастерскую.

16 июня 1886 г. мастер медного цеха ярославец Сергей Семенович Чарышников подал прошение в Балахнинскую Городскую Думу с просьбой отдать ему в аренду участок городской земли размером 100 кв. саженей (10 саж. на 10 саж.) под постройку колокольной мастерской. Землю Сергей Чарышников присмотрел на окраине города близ городского кладбища, где ранее существовал солодовенный завод мещанина Николая Тимофеевича Ряхина. Срок аренды Чарышников просил определить ему на 5 лет с платой в городскую казну по 10 копеек за каждую квадратную сажень в год. Пршение Сергея Семеновича было передано члену Городской Управы И.Закурдяеву с просьбой заняться рассмотрением этого дела и узнать, нет ли каких-либо препятствий к отдаче Чарышникову просимой им земли. Пока прошение ходило из городской Управы в думу, Чарышников подал 8 июля 1886 г. в Управу еще одно прошение о продлении срока аренды земли в случае, если он пожелает. Согласие городской Думы не преминуло поступить, Чарышников был вызван в Управу повесткой. Шестого августа 1886 г. городская Управа выдала Чарышникову удостоверение на аренду земли. Контракт был заключен только через полгода — 21 февраля 1887 г. у балахнинского нотариуса Формозова.

Начало 90-х годов XIX века было для Чарышниковых удачным. В новую мастерскую посыпались заказы. Только за один год (1891) Сергеем Чарышниковым были отлиты три крупных колокола для церкви Нижегородской губернии:

- колокол в 300 пудов для Нижнего Новгорода,
- колокол в 500 пудов для села Вачи,
- колокол в 650 пудов для села Копосова.

Не долго прожил ярославский мастер на балахнинской земле. Сергей Чарышников скончался и был погребен на кладбище при Троицкой церкви 18 декабря 1894 г. Хозяйкой мастерской стала

его жена Евфросиния Дмитриевна Чарышникова. Совладельцами были ее сыновья: старший — Александр и младший — Николай. Новая хозяйка уверенно взялась за дело. 18 апреля 1895 г. она получила промысловое свидетельство 3 разряда на промышленную деятельность (свидетельство № 658).

На Всероссийской промышленно-художественной выставке, проходившей в Нижнем Новгороде в 1896 г., было представлено 9 колокольных заводов России. Среди них был и завод Чарышниковой. Колоколотейные ряды располагались на выставке в отделе заводских, фабричных и ремесленных изделий. Специально для Выставки на заводе Чарышниковых был отлит 1000-пудовый колокол. В балахнинском краеведческом музее хранится ценная фотография внутреннего вида завода. В центре колоколотейного цеха — колокол-«великан». Свое детище обозревают братья Чарышниковы. Слева с кувалдой стоит колокольный мастер Павел Иванович Полтанов. У колокола на колене сидит мастер Румянцев.

Владения Чарышниковых состояли из колокольного завода, находящегося в деревянном здании, флигеля и амбара. Стоимость имущества оценивалась в 350 рублей. Налог в 1859 г. составил 15 руб. 5 коп. Из них — 3 руб. 85 коп. государственный налог, 3 руб. 50 коп. — городской оценочный налог, 2 руб. 80 коп. — губернский земский и 4 руб. 90 коп. — уездный земский налог (ГАНО, ф. 31, оп. 690, д. 1124).

В 1889 г. на заводе было отлито колоколов на общую сумму 1755 рублей (ГАНО, ф. 334, оп. 1, 1112), а в 1900 г. — на сумму 2800 руб. (ГАНО, ф. 334, оп. 1, 1112). Из этих данных следует, что завод был небольшим, на нем работало в разное время 4–6 человек.

Оплата рабочим варьировалась от 7 до 25 рублей в месяц. Рабочий день длился по официальным данным 14 часов в 1895 г. (ГАНО, ф. 61, лп. 216, д. 638), а в 1898 г. был сокращен до 11 часов (ГАНО, ф. 61, оп. 216, д. 801).

Конец XIX века был отмечен для завода незначительным ростом производства. Ели в 1895 г. имелась одна плавильная печь, то

в 1899 г. их было уже две (ГАНО, ф. 61, оп. 216, д. 638, 801). Количество материалов, используемых для отливки новых колоколов и переливки старых, выросло на 180 пудов: 780 пудов в 1899 г. против 600 пудов в 1895 г. В течение 1899 г. было использовано на производство 540 пудов разбитых колоколов, 210 пудов красной меди и 30 пудов английского олова и топлива — 35 сажень дров (Там же).

В самом начале XX века Чарышниковы решили перевести завод на другое место, на самый берег Волги, на окраину города, где находилось много глины и речного песка, которые в больших количествах требовались для отливки колоколов, а точнее для изготовления формы колокола. Эта местность называлась Солдатской Слободой. 31 июля 1902 г. доверенное лицо Евфросиньи Дмитриевны Чарышниковой — ее сын Александр Сергеевич — договорился с городской Думой по вопросу приобретения им имения гражданина Миндовского Петра Галактионовича. П.Г. Миндовский совместно с инженером-технологом В.М. Шевелиным получил эту землю в аренду 14 января 1889 г. До этого с 29 июля 1879 г. этот участок — земли арендовал кандидат коммерции Николай Федорович Киришбаум. Завод П.Г. Миндовского находился на берегу Волги ниже мукомольного заведения купца Власова (к 1903 г. уже сломанного), рядом с кирпичными заводами Рудометова и Бармина. Он занимал 5000 квадратных сажень. Аренда земли обходилась Миндовскому в 500 руб. в год. По контракту от 27 ноября 1884 г. Петр Галактионович получал право на аренду еще 1716 кв. саж. поемной болотистой земли с оплатой по 85 руб. 80 коп. в год. Срок аренды заканчивался 23 июля 1904 г.

На публичных торгах за имение Миндовского запрашивалось 6012 руб. Александр Чарышников согласился уплатить 605 руб. залоговых денег при условии, чтобы на сломку купленных им строений, уборку мусора, ему была предоставлена земля под заводом Миндовского во временное пользование сроком не менее 2-х лет, вероятно до окончания срока аренды земли Миндовским. Балахнинская Управа условия Александра Сергеевича приняла, и Чарышниковы поселились на берегу Волги, позади Солдатской ули-

цы (ГАНУ, ф. 31, оп. 690, д. 1332). Покупка была зафиксирована в Балахнинской Городской Управе 17 апреля 1903 г.

5 сентября 1903 г. Е.Д. Чарышникова обратилась в Управу с просьбой отдать ей в аренду землю, бывшую под заводом Миндовского, сроком на 12 лет площадью 1615 кв. саж. Оплату она предложила производить, исходя из категории земли. За землю под каменным корпусом бывшего технического завода, домом и службами при нем, площадью 350 кв. саж., платить по 10 коп. за квадратную сажень. За землю под бывшими заводскими и домашними дворами, площадью 265 саж. — платить по 5 коп за кв. саж. За землю ничем не застроенную (под постройку усадьбы) — 1000 кв. саж. — по 2 коп. за кв. саж. Городская Дума в прошении Чарышниковой отказала, так как срок аренды земли Миндовским еще не истек.

В течение 1,5 лет Чарышниковы посылали несколько прошений в городскую Думу с просьбами об аренде уже занятой ими земли, но получали отказы. Городская Управа в свою очередь вела активные поиски господина Миндовского. 24 ноября 1903 г. была отправлена телеграмма приставу 2-го участка Тверской части города Москвы в гостиницу «Париж», расположенную на углу Тверской и Охотного ряда, для Миндовского. Ответа на этот запрос не было.

Дело об аренде земли решилось само собой, когда окончился срок аренды Миндовским. 16 июля 1904 г. городская Управа вынесла постановление об аренде государственной земли вдовой цехового мастера Чарышниковой. Ее срок начинался 23 июля 1904 г.. Плата была назначена по 10 коп. за сажень в год. Контракт об аренде 1615 кв. саж. городской земли сроком на 12 лет был заключен 31 декабря 1904 г. между городской Думой и Е.Д. Чарышниковой (ГАНУ, ф. 31, оп. 690, д. 1471).

Закрепив за собой землю, Чарышниковы предприняли следующий шаг на пути дальнейшего развития колокольного производства. 3 марта 1905 г. они учредили первыми (и последними) в Балахне полное товарищество «Торговый дом Ев. Дм. Чарышниковой с сыновьями». Договор заключался на неопределенный срок. Основной капитал — вся движимая и недвижимая собственность — составлял 10000 рублей. Главная контора находилась при заво-

де. В договоре говорилось, что все споры и недоразумения между участниками товарищества должны были решаться третейским судом в Нижнем Новгороде. Договор был подтвержден подписью нижегородского нотариуса И.Н. Епифанова (ГАНУ, ф. 31, оп. 690, д. 1213). На колокольном заводе Чарышниковых отливали церковные колокола весом от 20 фунтов до 300 пудов, кроме этого еще переливали разбитые. Торговля ими осуществлялась на Нижегородской Ярмарке, при заводе в Балахне и в городе Самаре при Епархиальном складе церковных вещей. При выполнении заказа завод брал на себя обязательства «отлить колокол чисто, изящной отделки, с иконами и надписями по желанию заказчика и с сильным и приятным звуком, соответствующим весу колокола».

Фирма осуществляла и доставку колоколов заказчикам по железным дорогам и судоходным рекам, при этом церквям, а они были основными заказчиками, колокола продавались по льготному тарифу: 1/100 копейки с пуда за версту.

Завод после переведения его на новое место продолжал оставаться небольшим, маломощным предприятием. Число рабочих в 1910-е годы XX века варьировалось от 7 до 10 человек. Двигателей не было. Конный привод с одним деревянным колесом и тремя деревянными зубчатыми колесами имел деревянное основание. Весь инвентарь оценивался в 1599 руб. 40 коп. Завод подчинялся надзору нижегородской губернской фабричной инспекции (ГАНУ, ф. 457, оп. 324 а, д. 21) и был застрахован в Северном страховом обществе.

До Октябрьской революции делами на заводе заправлял Александр Сергеевич Чарышников. Он родился в 1877 г. Ему не было и 10 лет, когда родители привезли его в Балахну, где прошли его отроческие и зрелые годы. Здесь он закончил городское трехклассное училище (Это здание на улице Ленина хорошо сохранилось.). Сейчас там находится школа № 1). В этом училище, которое в отличие приходских имело статус министерского, обучались дети многих балахнинских купцов. Александр Сергеевич состоял на службе в Городской Общественной Управе. Не отличаясь хорошим здоровьем, он был вынужден выезжать на Кавказ для лечения. Одна из его поездок состоялась в июле 1910 г. (ГАНУ, ф. 31,

оп. 690, д. 1752). Александра Сергеевича можно видеть на той же фотографии из Балахнинского музея. Его выделяют очки и шляпа. Интересен тот факт, что фотограф не выдвигает на передний план владельца завода. Он как бы затерялся среди рабочих. Центральными фигурами на фотографии, как не странно, являются не хозяева, а те, кто трудился над созданием колокола — мастера Полтанов и Румянцев.

Александр Сергеевич был женат на Александре Алексеевне. У них было восемь человек детей, среди них: Анна, Татьяна, Евгений, Алексей, Валентина, Кирилл. Их судьбы в Советское время сложились по-разному.

После революции 1917 г. заводом управлял Николай Сергеевич, младший брат Александра. Смена власти, бурные события Гражданской войны, ввергшей страну в хаос, сильно сказались на колоколовитейном производстве. 1 января 1919 г. завод был остановлен (ГАНО № 3, ф. 687, оп. 1, д. 2). Его работа возобновляется только в 1922 г., когда в результате проведения Советским правительством Новой Экономической Политики (НЭП) для налаживания хозяйственной жизни в государстве была разрешена деятельность частных предприятий. В советский период существования завода на нем работало всего три человека: сам Николай Сергеевич и двое наемных рабочих.

В 20-е годы в Советской России начинается бурное строительство фабрик и заводов. В Балахне в 1925 г. было запланировано строительство картонной фабрики. Площадку под строительство определили на окраине Балахны, рядом с колокольным заводом. Зимой 1925-1926 гг. начали проводить первые работы: подвозить пиломатериалы, кирпич. Специальная комиссия из Нижнего Новгорода в феврале подняла вопрос о возможности использования завода для строительных нужд (ГАНО № 3, ф. 687, оп. 1, д. 2). Руководство строительством картонной фабрики пыталось изыскать способ изъятия завода из владения Чарышниковых. В результате рассмотрения вопроса стало очевидным, что просто конфисковать завод невозможно, так как по декрету СНК (Совета На-

родных Комиссаров) от 17 октября 1921 г. конфискация имущества у частных лиц допускалась законом лишь «в силу государственной необходимости» и применялась лишь как наказание по приговорам суда (ГАНО № 3, ф. 687, оп. 1, д. 2). Единственный выход из создавшейся ситуации — покупка завода у его владельцев, при этом должна была приниматься во внимание ценность завода как производственного предприятия. Балахнинский Уездный Исполнительный Комитет по заданию Президиума Губернского Совнархоза произвел оценку завода и определил ее в 28852 рубля 92 коп. Николай Сергеевич Чарышников предложил свою цену, в 50000 руб.. Чарышниковым предложили арендовать у них помещение, но и в этом случае договоренность не была достигнута. Местные власти обращаются в Губисполком с просьбой о скорейшем приобретении заводских построек, объясняя это следующим: во-первых, этим можно избежать лишних затрат на складские помещения, во-вторых, предотвращением жилищного кризиса (ГАНО № 3, ф. 687, оп. 1, д. 2).

Длительные переговоры закончились только в ноябре 1926 г., когда была создана комиссия для приемки колокольного завода Чарышниковых у его владельцев — Николая Сергеевича и Александры Алексеевны (вдовы Александра Сергеевича). Таким образом, завод со всеми строениями был куплен за первоначальную цену — 28852 руб. 92 коп. Для того, чтобы освободить дом и другие помещения, Чарышниковым был предоставлен 1 месяц срока, чтобы они могли подыскать жилье.

При передаче завода были составлены акт и опись недвижимого имущества, переходящего в безвозмездное пользование бюро построек картонной фабрики. В описи значились:

1. Здание бывшего колокольного завода из красного кирпича. Длина его — 40,5 метров, ширина — 15 метров. Высота — 5,8 м, с внутренним разделением капитальной стеной на 2 помещения. Здание покрыто железной кровлей и имеет 27 окон с двойными рамами. При корпусе имеется пристрой из красного кирпича, длиной — 15 м, шириной — 5 м, высотой 3,5 м, расположенный с юго-западной стены.

2. Одноэтажный каменный дом с внутренним разделением капитальной стеной на 2 помещения, сводчатый каменный потолок, скрепленный рельсами. Его длина — 10,5 м, ширина — 10,5 м, высота — 3,5 м. Имеется деревянный пристрой.

3. Деревянный одноэтажный на каменном фундаменте дом с мезонином, обитый тесом, окрашен масляной краской. Длина — 15 м, ширина — 10,5 м, высота — 3 м. В первом этаже — 7 комнат. Мезонин имеет крестообразную форму построения.

4. Бревенчатый сарай — стойла для крупного рогатого скота.

5. Тесовый сарай.

6. Тесовый сарай.

7. Беседка на четырех столбах.

Кроме этого имелись баня и сарай. Все строения были обнесены забором (кроме завода). (ГАНУ, ф.687, оп. 1. д. 2).

Колокольный завод просуществовал в Балахне 40 лет и прекратил свое существование в 1926 г. По рассказам старожилов на деньги, полученные от продажи завода, они приобрели дом в Нижнем Новгороде. Конец двадцатых-тридцатые годы в истории существования Советского государства были очень тяжелыми. Это было время массовых репрессий против различных слоев населения. Жестоким гонениям подверглись церковнослужители. Много церквей было разрушено, а колокола отправлены на переплавку. Так случилось и в Балахне.

Сергей Васильевич Гурьев, балахнинский старожил (родился в 1912 году), всю свою жизнь проживший на улице Солдатской (ныне проспект Революции), помнит, как с Воскресенской церкви снимали колокола.

Когда местные комсомольцы стали разбивать большой колокол, они наткнулись на «упорное сопротивление гласа Божьего». Колокол не поддавался. Присутствующий при этом Николай Сергеевич Чарышников, видя их напрасные старания, взял двухпудовую гирию и ударил по колоколу так, что от него отвалился большой кусок. Трагизм этого случая заключается даже не в том, что одну из самых почитаемых в городе церквей лишили голоса, но и

в том, что этот колокол был отлит на заводе Чарышниковых, возможно и при участии самого Николая Сергеевича. С.В. Гурьев утверждает, что Н. Чарышников занимался отливкой колоколов сам. Потеряв завод, Николай был вынужден пойти работать на государственное предприятие — НИГРЭС. Как сложилась судьба бывших владельцев колоколотейного завода и их детей? Это нам еще предстоит выяснить.

В Балахнинском краеведческом музее хранятся редкие фотографии, связанные с деятельностью завода Чарышниковых и небольшой колокол, 45 см высотой. (БРМ — 1146).

Основные строения Чарышниковых сохранились до наших дней. В самом здании завода сейчас находится клуб. Дом, где жили сами Чарышниковы, и в настоящее время является жилым домом. Одноэтажный каменный дом и хозяйственные постройки были снесены в разное время.

Самые крупные церковные колокола, отлитые мастерами Чарышниковыми:

- для собора в городе Иркутске колокол весом в 1375 пудов,
- для монастыря преподобного Иннокентия — в 1070 пудов,
- в город Красноярск — в 1000 пудов,
- в Саровский монастырь Тамбовской губернии — в 1170 пудов,
- в город Тамбов — в 1000 пудов,
- для города Ярославля (ко Власию) — в 1008 пудов,
- в город Рыбинск Ярославской губернии — в 995 пудов,
- в Дорофеевскую пустынь Ярославской губернии — в 1000 пудов,
- в город Муром Владимирской губернии для собора колокол в 1019 пудов,
- в село Васильевское Владимирской губернии — в 1000 пудов,
- в село Выездная Слобода Нижегородской губернии — в 860 пудов,
- в город Санкт-Петербург для Троицкого собора звон в 1000 пудов,
- для церквей Нижнего Новгорода отлито колоколов общим весом более 6000 пудов.

О СЛАВНЫХ ДЕЛАХ КАРТОНЩИКОВ

Из истории Балахнинской картонной фабрики

В память о старейшей работнице фабрики,

о моей дорогой бабушке

Курбатовой Марии Владимировне...

Картонная фабрика (с 1970 г. — комбинат) была официально признана действующей с 1 октября 1928 г. За 70 лет ее деятельности, конечно, изменилось многое, но неизменной осталась преемственность поколений. На комбинате и сейчас трудятся дети и внуки тех, кто в далекие 20-е и 30-е годы строил фабрику и создавал базу для ее дальнейшего развития.

В первые годы деятельности — до 1941 г. — фабрику лихорадило. Бешеный темп первых пятилеток требовал от людей небывалого напряжения и полной самоотдачи. Рабочие тех лет, которых осталось в живых очень немного, вспоминая то время, сами удивляются, какая сила заставляла их трудиться с такой энергией, но при этом в их голосе чувствуется гордость и осознание выполненного долга. Их заслуги неоспоримы, они всегда будут вызывать у потомков восхищение. Их имена навечно красными буквами вписаны в историю фабрики и всей России.

455 картонщиков получили медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», многие были удостоены наград и в мирное время.

К великому сожалению, не обошли картонщиков и негативные процессы, происходившие в обществе в период сталинского правления. «Враги народа» были выисканы и на картонной фабрике. Чудовищная машина сталинизма не щадила ни высокого профессионализма, ни любви этих людей к Родине, ни семей обвиняемых. Искалеченные судьбы были ничто в сравнении с грандиозными планами «вождя народов». Среди многих, в результате подлого навета о вредительстве, в 1938 г. был репрессирован Федор Матвеевич Мишин — директор фабрики, было заведено дело на главного бухгалтера Александра Ивановича Солодова.

А впереди было жестокое испытание. Началась Великая Отечественная война. «Рабочие и работницы! Станок — твое оружие!» — гласил плакат тех лет. Но не только станки были оружием. На втором году войны на фабрике было налажено производство парашютно-десантных бензобаков из бумажного литья. Эта конструкция была разработана на экспериментальном заводе инженерами Г.М. Кареевым и М.Г. Блантером и работала как запасной бак. Они предназначались для сбрасывания после отработки горючего (бензина, керосина, масла) с самолетов, поэтому внутренняя их часть снабжалась бензостойким покрытием.

В 1942 году на картонной фабрике было организовано новое специальное производство по серийному выпуску регенеративных патронов одноразового использования типа РВ-4 с картонной оболочкой для Военно-Морского Флота и деревянных ящиков к ним. Специального помещения для цеха не было, и производство патронов было разбросано по свободным углам корпусов фабрики. Это очень осложняло работу цеха и нарушало состояние секретности.

О производстве оружия на фабрике было не принято писать. Общественность полагала, что на картонной фабрике во время войны изготавливали спецкартон. Это была правда, но только ее часть. Секреты наркома обороны хранят наши архивы и очевидцы тех далеких событий.

На мирные рельсы фабрика вставала трудно. Рабочие не могли отвыкнуть от постоянного напряжения, боязни проспать (за

опоздание на работу хоть на минуту грозило немедленное увольнение, а то и суд).

Но время берет свое. Огромными усилиями были достигнуты успехи и мирная жизнь комбината — это заслуга тех, кто строил, работал и воевал, несмотря на трудности и лишения, холод и голод, репрессии и все остальное, на протяжении всех семидесяти лет существования картонной фабрики.

БАЛАХНИНСКИЕ МИНИНЫ

(из родословной потомков Миши Анкундинова)

Минины — балахнинские солеладельцы, купцы и посадские, воины и торговцы. Их жизнь на протяжении четырех столетий, начиная с XVI века, была неразрывно связана с Балахной. Прославил и обессмертил род Мининых Кузьма Минич (родился около 70-х гг. XVI века — умер в 1616 г.), сын балахнинского землевладельца Миши Анкундинова, сумевший поднять нижегородцев на защиту Русской земли и организовать в 1611 году Нижегородское ополчение.

Имя Кузьмы Минина чтили во все последующие века. Особенно хорошо помнили царствующие Романовы, кому они обязаны своей властью. Первый российский император Петр I, посетив его могилу в Спасо-Преображенском соборе Нижегородского кремля, произнес: «Вот истинный спаситель Отечества». И в XIX веке императоры не хотели отставать от своего великого предшественника. При Александре I «спасителям Отечества» Кузьме Минину и Д.М. Пожарскому в Москве был установлен величественный памятник, правда, русские герои были облачены скульптором Мартосом в весьма странную для русских одежду.

Николай I «перешеголял» своего брата — Александра I, решив почтить даже потомков героического гражданина. Во все губернии срочно был разослан циркуляр о поиске потомков и наследников Кузьмы Минина. В первую очередь, естественно, их стали искать в Нижнем Новгороде, так как «великого гражданина» считали нижегородцем. Однако их там не оказалось, так как сын Кузьмы — Нефедий, проживавший в Нижнем, умер бездетным.

Некоторые исследователи Мининской родословной (И.И. Голлов «Род Кузьмы Минина» // Записки краеведов. Горький, 1975. стр. 108-112) доказывают, что у Кузьмы был еще один сын — Леонтий, ставший родоначальником тульской ветви Мининых.

Но нас в данном случае интересуют Минины — балахнинцы. Эта фамилия часто встречается в балахнинских документах XVIII-XIX веков. Являлись ли представители Мининых из Балахны потомками Кузьмы Минина или его отца — Мины Анкундинова? Как выяснилось, да, несомненно.

У Кузьмы, который был младшим сыном в семье «своеземца» Мины Анкундинова, были старшие братья Сергей, Федор, Иван (Кирьянов И. А. О Кузьме Минине. Новые материалы к биографии. // История СССР 1965, № 1, стр. 144—146). Одному из них — Федору — после отца достались земельные владения, соляные трубы и варницы в Балахне. Его сыновья, Григорий и Иван, продолжали заниматься соляным промыслом и торговлей, которую вел еще их дед — Мина Анкундинов. Старший сын Григория — Андрей — видная фигура в Балахне, он принадлежал к гостинной сотне, но уже в 70-х годах XVII века он, судя по данным Писцовой книги г. Балахны 1674-1676 гг., в Балахне, вероятно, фактически не жил, так как торговля его была в упадке и варницы он все распродал. Дети Ивана Федоровича, Иван и Петр, видимо, не получили такого богатого наследства. От деда Федора им достались 75 бадей рассола в трубе Золотухе, а от отца — 533 бады в трубе Лунинской. «Ивашка и Петрунька», как они зовутся в Писцовой книге Балахны, были посадскими людьми, но за ними уже закрепилась фамилия Мининых. Если их дед звался «Федька Минин сын Анкундинов», то его внуки: «Андрей Григорьев сын Минин» и «Ивашка Иванов сын Минин».

На рубеже XVII-XVIII веков из Мининых в Балахне остаются только дети Ивана Ивановича. В Писцовой книге уже значится его сын Данилко 13 лет (Писцовая книга г. Балахны 1674-1676 гг. // Сборник НГУАК Т. XV, выпуск 1, Нижний Новгород, 1913. Стр. 38).

Исповедальные росписи г. Балахны содержат данные о следующих поколениях Мининых. Около 1697 г. был рожден Иван Данилович Минин (ГАНО № 3, ф. 570, оп. 559а, д. 13).

В течение всего XVIII века балахнинские Минины жили в Борисоглебском приходе, то есть около церкви святых Борнея и Глеба, которая располагалась на месте здания бывшего кинотеатра «Восток». Можно предположить, что, являясь прихожанами этой церкви, Минины могли быть возле нее похоронены. Так что памятник Кузьме Минину в Балахне поставлен очень удачно, на земле Борисоглебской церкви.

У Ивана Даниловича был только один сын — Матвей, рожденный около 1718 г. (было еще три дочери) (ГАНО № 3, ф. 570, оп. 559а, д. 13). Балахна XVIII века для краеведов остается большой и таинственной загадкой, так как практически все документы за этот период хранятся в Петербургском архиве и балахнинцам недоступны. В силу этой причины остается неизвестной деятельность балахнинских Мининых в XVIII веке.

Балахнинская ветвь потомков Мины Анкундинова продолжили дети Матвея Ивановича — Федор (род. около 1748 г.) и Семен. В 1785 г. в семье Федора Матвеевича родился второй сын — Павел (первый сын Алексей род. около 1775 г.). Об этом незаурядном человеке можно написать целую книгу (благотворительная деятельность П.Ф. Минина освещена в работе Ю.Г. Галая «Балахнинский благотворитель Павел Минин»).

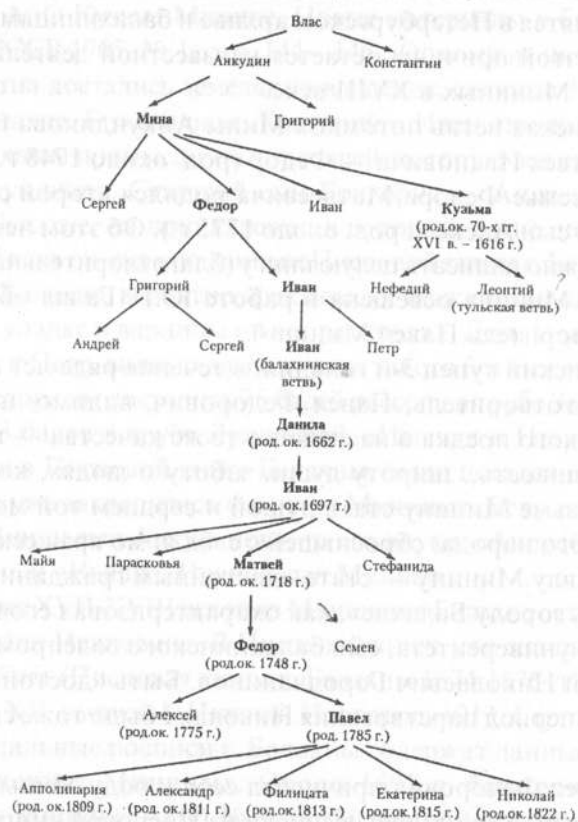
Балахнинский купец 3-й гильдии, в течение ряда лет городской голова, благотворитель, Павел Федорович, видимо, получил от своего великого предка в наследство те же качества — казначейскую расчетливость, широту души, заботу о людях, которые позволили Кузьме Минину стать душой и сердцем той монолитной силы русского народа, сбросившей с себя ярмо вражеских захватчиков, а Павлу Минину — стать «достойным гражданином, делающим честь городу Балахне», как охарактеризовал его профессор Казанского университета, сын балахнинского солепромышленника Григорий Николаевич Городчанинов. Быть «достойным гражданином» в период царствования Николая I было тоже своего рода подвигом.

Сам Павел Федорович причислял себя к роду Мины Анкундинова. В его семье хранились выписки из Писцовой книги Балахны

1674—1676 гг. и другие документы, подтверждающие родство Мининых XVII и Мининых XIX веков. В 20-е годы XIX века он обращался в канцелярию нижегородского губернатора, пытаясь доказать, что он «есть действительно потомок предков Мининых». Однако документы не были признаны подлинными и их родство не подтвердили.

Теперь можно утверждать, что в XIX веке в Балахне жили прямые потомки рода Мины Анкундинова.

Родословная Мининых (XVI—XIX века)

УМОЛКШИЙ ЗВОН БАЛАХНИНСКОГО СТЕКЛА

(из истории стекловаренных заводов
на Балахнинской земле)

«Стот город Балахня свои полы распахня», — гласит бурлацкая песня. И распахнулись ее «полы» по песку и глине. Нет здесь чернозема столь милого для каждого крестьянина. Суглинистые почвы не приносили на Балахнинской земле богатых урожаев. Не было здесь и богатых помещичьих латифундий. Но глина и песок оказались не менее ценным достоянием для трудолюбивых людей. Глину стали использовать для изготовления посуды, кирпичей и изразцов. А песок оказался не простым, а стекольным.

Стеклоделие существовало на Руси еще в Киевский период, в IX—XII веках. Беспощадные полчища татаро-монгол нанесли сильный удар и этому виду русского искусства. Волшебное ремесло стекловаров стало возрождаться лишь после многочисленных войн и смут, в царствование первого из Романовых — Михаила Федоровича. В 1635 г. на первом русском стекольном заводе, расположенном в пустоши Духанино под Москвой, стало производиться оконное стекло и посуда из зеленоватого стекла. Царь-реформатор Петр I, любивший все иноземное и всячески поощрявший новые промышленные заведения, способствовал открытию в России стеклоплавильных заводов. К концу его царствования их насчитывалось уже 12. «Свое» стекло было гораздо дешевле европейского, так как на заводах применялся фактически бесплатный труд крепостных крестьян. Основного сырья — песка, правда, осо-

бого сорта, «кремнистого», в России было довольно. Стекланные изделия стали входить в быт не только аристократической знати и богатых купцов, но и горожан.

Около середины XVIII века был основан стекольный завод и на Балахнинской земле. Его владельцем был балахнинский купец Городчанинов.

С конца XVIII века в Жарской волости Балахнинского уезда действовали два стеклоплавильных завода — Коневский и Погарновский.

Коневский стекольный завод «Труд», несколько лет назад закрытый и практически уничтоженный, был одним из старейших заводов России, можно даже сказать историческим памятником русской промышленности. Завод, известный на всю Россию, изделия которого в 70-е годы XX века входили в каталоги российского стеклоделия, возник в живописной лесной местности, в старинных жарах, которые еще в XVII веке принадлежали Д.М. Пожарскому, руководителю Второго Нижегородского ополчения. В середине XVIII века на эти угодья обратили внимание вездесущие Осокины, директора железодельных заводов на Урале. Петр Игнатьевич, самый удачливый и предприимчивый из козинских Осокиных, подгрел под свою руку деревни и пустоши этого края: Олисово, Коневое, Белокурово, Орлово, Рылово, Реброво, Погарново, Слопиху. Однако во времена императрицы Елизаветы Петровны купцы не имели права владеть крепостными крестьянами и 28 июля 1754 г. Главной соляной конторой издается соответствующий указ с требованием продать деревни. Как выкрутились из этой ситуации Осокины, неизвестно, но в октябре 1787 г. Елизавета Игнатьевна Осокина, правнучка Петра Игнатьевича, отдала в наем генерал-поручику, лейб-гвардии конного полка премьер-майору и кавалеру Ивану Ивановичу Михельсону, кстати, активному участнику подавления восстания под предводительством Емельяна Пугачева, солеваренный завод в Балахне, а вместе с ним и угодья в Жарской волости — пустоши Рылово, Орлово, Погарново и другие. Мужем Елизаветы Игнатьевны был майор Евграф Алексеевич Лебедев. Будучи комиссионером, а потом «обер-бергмейсте-

ром Пермского горного правления и завода хребта Уральского», он неплохо разбирался в технологиях того времени. Вероятно, именно он и обнаружил залежи кварцевого песка в Коневе и Погарнове и открыл «стеклянные заводы». Крупный помещик, дворянин, владевший движимыми и недвижимыми имениями в разных губерниях России: в Казанской, Вятской, Пензенской и Нижегородской, Евграф Алексеевич владел и несколькими фабриками и заводами, в частности, солеваренным, в Балахне, который ему также достался от Осокиных. Проживая в Казани, он сам никак не мог заниматься столь обширным хозяйством. Доверенные лица и управляющие следили за производством на фабриках, вели тяжбы по земельным делам и вопросам о владельческих правах. В августе 1816 г. он приезжал в Балахну и посещал стекольные заводы. Тогда же была составлена «ревизская сказка» на крестьян, работавших на заводах:

1. на Коневском — мастеровых людей было «54 мужского и 57 женского полу (с детьми)». (Они были переведены сюда из деревни Олисовой и села Покровского Арзамасского уезда).

2. на Погарновском — «44 мужского и 44 женского полу (с детьми). Кроме мастеровых при фабрике проживало 2 семьи дворянских людей (с детьми).

В 1827 г. Евграф Алексеевич по старости лет, по слабости здоровья и при очень слабом зрении отходит от дел и оформляет доверенность на своего сына Николая, отставного поручика артиллерии, уездного предводителя дворянства в городе Мамадыш Казанской губернии. После смерти отца и старшего брата, владельцем стекольных заводов и другого движимого и недвижимого имущества становится Александр Евграфович Лебедев, который тоже чрезвычайно занят по службе и стекольными заводами в Бурцевской волости управляет Петр Иванович Крохин. Всего в Балахнинском уезде в середине XIX века А.Е. Лебедев владел 1128 десятинами земли и 173 душами крестьян. Сведения о работе стеклоплавильных заводов Лебедева содержат статистические таблицы о народонаселении и промышленности Нижегородской губернии за 1858 год. На заводах «выделяется зеленое и полубелое стекло из мате-

риалов белой глины, соломенного тепла... кромки и белого поташа: сбыт стекла производится преимущественно на Нижегородской Ярмарке».

Погарновский завод вскоре был закрыт, а его рабочие были переведены на разросшийся Коневский завод.

Следующими владельцами Коневского завода были: во второй половине XIX в. – Александр Александрович Лебедев, а в первой половине XX в. – Михаил и Александр Александровичи Лебедевы.

Во второе столетие своего существования завод вступил технически хорошо оснащенным. Его инвентарь, состоящий из 2-х газовых печей на 10 горшков каждая и 2-х газогенераторов к ним, оценивался в 13 100 рублей. Трудилось на заводе в разные годы от 180 до 225 рабочих. Управляющим при последних Лебедевых был А.Д. Дерюгин.

Его брат – нижегородский мещанин — Иван Андрианович Дерюгин — столь успешно работал у Лебедевых, что в 1895 г. смог открыть свой стекловаренный завод недалеко от Коневы — в Рылово.

Сначала им было построено деревянное здание завода, но производство стекла и его сбыт шли столь успешно, что уже в 1903 г. он «воздвиг» и каменные корпуса, построил ремонтную мастерскую, кузницу, склад глины, контору на каменном фундаменте, каменную гончарную, дома для рабочих – всего 125 построек и пристроек почти на 50 тыс. руб. На Дерюгина работало до 100 человек.

Но грянул 1917 год. Как хрупкий стеклянный дворец разбилась Россия, и как множество осколков разлетелись по бывшей империи десятки партий, союзов и правительств.

Закрылись и стекольные заводы. Кому в это бурное военное время нужно было стекло, когда все было так не прочно и человеческая жизнь не стоила и копейки?!

Коневский завод возродился, но уже на новых, социалистических началах, но лишь пропал его новый хозяин – «социализм», завод вновь закрылся.

Заработает ли завод вновь?

На Балахнинской земле были и другие стекольные заводы. В 20-е годы XIX века где-то в Балахне работал стеколделательный завод, принадлежавший военному советнику Н.Я. Латухину и купцу 3-й гильдии Ивану Мулындину.

Незадолго до грозных событий начала XX века — 29 августа 1912 г. — на окраине Балахны (по дороге в сторону Жаров) был пущен стекольный завод, владельцем которого стало товарищество «Павел Никитич Никитин и Николай Григорьевич Пашин».

В Вершиловской волости предприимчивые крестьяне братья Зайковы тоже занялись стеколделием. 170 рабочих людей из близлежащих деревень изготавливали бутылки, опарницы, молочные банки для своих разбогатевших собратьев.

«Век» этих заводов был недолгим. Возможно ли «третье пришествие» балахнинского стекла в Россию?

СОЛЯНОЕ ДЕЛО

Повествование из русской жизни первой половины XIX века

В маленькой церкви было полно народа. Старенький священник, махая кадиллом, хорошо поставленным голосом усердно выводил очередной кафисмы:

— Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежди живота вечного раба Твоего Пафнутия и, яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи и потребляя неправды, ослаби, остави, и прости вся вольная его согрешения и невольная, возставляя его во святое второе пришествие Твое в причастие вечных Твоих благ. Их же ради в Тя единого верова, истиннаго Бога и Человеколюбца, яко Ты еси Воскресение и Живот, и Покой рабу Твоему Пафнутию, Христе Боже наш. И Тебе славу возсылаем, со Безначальным Твоим Отцем, и с пресвятым Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь. — допел иерей и прихожане с готовностью подхватили:

— Упокой, Господи, души раб Твоих.

Николай Яковлевич Латухин со свечой в руке стоял возле самой гробницы Пафнутия, не сводя взора со златотканого покрыва на мощах святого, пытаясь под ним рассмотреть контуры тела некогда человека. Однако мысли его были не здесь, в церкви Никола Чудотворца, на панихиде по Пафнутию, основателю Балахнинского Покровского монастыря, а совсем в другом месте, в другом времени. Но думал он все же о Пафнутии...

Из дневниковых заметок чиновника
департамента горных и соляных дел

*(Записи были сделаны в тетради
в коричневом кожаном переплете)*

Я проснулся от страшного грохота и тут же вскочил, натолкнувшись на Николая, который уже вкладывал саблю в ножны, а другой рукой искал шапку.

— Вставай, шведы вдарили, — Николай был несколько возбужден, он как-то внутренне собран, что его всегда резко отличило от других офицеров нашего полка.

Через минуту мы уже были на конях. Неожиданный прорыв шведов, как нам сначала показалось, спутал планы утреннего наступления нашего полка. К нам подскочил посыльный с пакетом: Кульнев срочно вызывал офицеров егерей к себе.

Кульнев, как всегда подтянутый и бодрый, словно его не разбудили среди ночи, а вызвали днем в Главный штаб, нетерпеливо мерил шагами финскую избу.

— Ну что? Все явились? — зычно крикнул он и, не дожидаясь ответа, тут же продолжил:

— Ждать более не могу! Шведы пошли на прорыв и вызывают нас на бой. И этот бой будет для них последним.

План Кульнева как всегда был прост и гениален: создав видимость сумятицы, нашему полку было приказано отступить за лагерь, при этом главным силам разойтись по флангам и ударить по врагу прямо в нашем лагере.

Ожидание было подобно смерти. Боясь пропустить ту самую важную минуту, когда нужно будет ударить по врагу, мы как будто оцепенели, вросли в коней. Мороз был таким сильным, что нам приходилось каждую минуту растирать лицо. Кони, казалось, не выдержат холода, но они, словно чувствуя скорый бой, нервничали, переступая с ноги на ногу, и согревались внутренним теплом своих сильных, стройных тел.

Наш удар с правого фланга на шведов был настолько неожиданным, что их сопротивление было вялым и безнадежным. Немногим из них удалось уйти. В сумятице боя я потерял Николая из вида, и лишь спустя какое-то время, когда неприятеля погнали к реке, я ощутил какую-то тревогу. Окрикнув егерей, которые искали своих среди убитых, я спросил:

— Латухина не видали? — и услышал в ответ:

— Вон там видали, бился со шведом. Я соскочил с коня и бросился к тому месту, куда показали солдаты. Несколько убитых шведов лежали вповалку, сраженные саблями. Среди них лежал и Николай.

Подбежав к нему, я перевернул его на спину. Его лицо было залито кровью.

— Коля! Жив? Ранен!

Его губы едва пошевелились: я понял, он просит пить.

Наш полк стоял в финской деревушке. Шведы к нам не совались, и у меня было время посидеть возле раненого друга. Рана на голове оказалась легкой, но вот нога заживала плохо. При падении, видимо, он сильно раздробил кость.

— До свадьбы заживет, — пытался шутить я, но Николай понимал, что ему не придется больше лихо скакать на коне.

Наши разговоры зачастую обращались к беззаботным дням детства и юности.

— Знаешь, как у нас хорошо!? Волга, леса, тихий уютный городок. Поехали после войны к нам в Балахну, — звал он.

Что делать-то я там у вас буду? Гусей что ли с шашкой на коне пасти? — усмехался я в ответ, но он не унимался:

— Зачем гусей! Найдем приличное дело. Отец-то у меня большими делами ворочает, все больше по торговой части. И мы научимся, думаешь, мудрено? Мы, Латухины, раньше на соли держались: заводы, варница... А трубы рассольные, что на поверхность из земных недр рассол поднимают, у нас знаешь как прозываются? Не поверишь! Толстуха, Попадья, Близнецы. Смех, да и только. Но это, брат, по старине так. Ласково, душевно, ведь кормилицы они, поилицы наши. Только вот затухать стало дело-то наше. Все ведь у

нас по старинке, а надо бы с подходцем, с умом подойти. инженера там какого пригласить или еще чего придумать. Нет, они за старину держатся, вцепились в нее, милую, и никуда, а конкуренция сейчас знаешь какая? Вон элтонская соль дешевле обходится, ее дешевле и продают, а нашей, дорогой, сбыта нет Вот так... Отец мне в каждом письме об этом пишет, жалуется. Но ты не бойсь, наладим дела. — скорее для себя, чем для меня сказал Николай. — новый император не позволит разориться нам, истым купцам.

А город у нас знаешь, какой старинный, — продолжал он свой рассказ. — и крепость у нас была, и войско. Князь Пожарский со своим другом Кузьмой Мининым бывали у нас. А торговля обширная, еще когда Макарьевской ярмарки не было...

— Откуда ты все это знаешь-то? — засомневался я в его искренности.

— Ты что, брат? У деда моего еще куча книг старинных и свитков, от руки написанных, была. Я все в детстве их читал, о нашем городе и о всей России, даже про царей. — Николай говорил все это и гордостью.

— Ну, вы даете! Купцы, а библиотеки заводите, как дворяне столбовые.

— Не в дворянстве дело. Но знаешь, я буду дворянства добиваться кровью своей. — уверенно произнес Николай.

— Давай, давай добивайся. А теперь спи, пора мне. Ваше превосходительство, — посмеялся я и вышел из избы.

За геройство, проявленное в боях со шведами, Николай Латухин был действительно пожалован личным дворянством. Его отметил сам Кульнев. Видя, что он больше не был годен к строевой службе (он сильно хромал), его назначили адъютантом командующего с наградой орденом Анны IV степени. Все это о своем друге я узнавал со стороны. Мы с ним больше не видались. Я со своим полком был отведен из Финляндии в Россию.

Встретились мы с ним только через год, в Петербурге, случайно на званом обеде у нашего боевого друга. Как и положено. Мы тепло обнялись, расцеловались и долго не могли наговориться.

— Ну ты, Николай, блистаешь, молодец, — восхищался я им.

— Да, что ты. Дела, брат, знаешь какие? Наполеон только и ждет лета, чтобы напасть на Россию. Но, верно, тебе там, в частях лучше знать это, чем нам столичным. Я ведь теперь вроде как в запасе... Послушай, я у Сергея Михайловича впервые: кто вон та прекрасная блондинка возле столика? — резко сменил тему разговора мой друг.

— Тебя что, не представили? Это же Тереза Ивановна, сестра жены Сергея. Боюсь сглазить, но, кажется, у нас с ней налаживаются милые отношения. Я вчера чуть было не признался ей в любви, — разоткровенничался я, позабыв всякую скромность.

— Ну и как? Она что? — и Николай по старой привычке пихнул меня локтем.

— Мне кажется, — замялся я, — она может мне ответить взаимностью.

— Да ты друг покраснел! — Николай хотел, видимо, расхохотаться, но к нам подходила Она.

Тереза Ивановна, крещеная немка, слыла столичной красавицей, но не высшего света. Сергей Михайлович говорил про нее в шутку, что она могла бы стать женой одного из великих князей, так как мужчины из династии Романовых всем женщинам предпочитали немку. Прожив в русской столице уже около пяти лет, Тереза довольно хорошо говорила по-русски.

— Мой друг, представьте мне, пожалуйста, вашего собеседника, — с улыбкой произнесла она. Акцент, с которым она говорила, делал ее речь журчащей, как ручеек.

— Познакомьтесь, Тереза Ивановна — мой боевой друг, Николай Латухин...

— Николай Яковлевич, — с большим достоинством прибавил он. — Давно ли в столице? — с кокетством спросила она. Николай как по команде встал навтыжку и по-уставному отрапортовал:

— Месяц. Назначен в Экспедиционный корпус.

Тереза улыбнулась: — Николай Яковлевич, Вы же не перед государем императором... Вот уже к столу зовут. Пойдемте, господа.

Я не удержался, взял ее за локоток и, наклонившись к самому уху, прошептал:

— Тереза Ивановна, выйдем после обеда с Вами в сад, к нашей беседке?

Я заметил, как засияли ее глаза.

— Ах, Вы так торопитесь, — прошептала она и тут же завела разговор с сестрой — хозяйкой дома.

После довольно длительного обеда, конца которого я еле дождался, скорую руку попрощался с Николаем и направился в беседку. Прождав Терезу с полчаса, я все-таки был вознагражден за терпение ее появлением. На сей раз она была грустна.

Беря ее за руку и заглянув ей в глаза, я с беспокойством спросил:

— Что с Вами, Тереза?

Даже не отняв руки, она присела на скамейку и склонила голову рядом. Мы молчали. Вдруг она произнесла:

— Скоро война, мы расстанемся с Вами, — Она подняла на меня взгляд. В глазах ее были слезы.

— Вы любите меня? — почти вскричал я, вскакивая со скамейки. Она только закрыла руками лицо.

Я был безмерно счастлив. Если она действительно любит меня, то я не боюсь никаких разлук, никаких войн и врагов. Я был уверен в ее преданности, как и в своей собственной. Эти глаза не могли лгать.

— Дорогая моя! — только и мог промолвить я в избытке чувств, и, отняв ее руки от лица, я стал осыпать их поцелуями.

При расставании, она улыбалась, просто светилась счастьем. Мы попрощались до завтра. Я забежал в дом, раскланялся с хозяином и хозяйкой.

— Ты будешь у нас завтра к обеду? — участливо спросил Сергей Михайлович.

— Непременно, — заверил я его.

Прибыв в полк, я узнал, что назавтра мы отправляемся к границе.

Через неделю французы вступили на территорию России.

На свою квартиру в Петербург я вернулся только в 1815 году, после войны. Как я обрадовался, найдя у хозяйки свою тетрадь.

Теперь я продолжаю свои редкие записи. Конечно, из меня писатель весть какой, но я не собираюсь их показывать кому-либо.

Итак, я вернулся и сразу же стал искать Сергей Михайловича и Терезу. Война спутала многое. После нескольких дней тщетных попыток я смог узнать лишь то, что еще в июле 1812 года они куда-то уехали. Я был в отчаянии. Всю войну я не имел от них никаких известий.

Случайно в Петербурге я встретил одну знакомую пожилую даму и буквально забросал ее вопросами о наших общих знакомых.

— А что Сергей Михайлович? Куда он мог уехать? — допытывался я.

— Куда же еще, как не в Москву? Его жена бы в провинцию ни за что не поехала. Одно слово, немка, — равнодушно пожалв плечами, сказала она, но тут, видимо, что-то вспомнила и добавила:

— Да, а вот сестра-то ее как раз в провинцию-то и уехала.

— Куда? — выдохнул я и замер в ожидании.

— Боже мой! — она даже сморщилась, — я не запоминаю эти ужасные названия, я даже выговорить их не могу. Кажется, что-то про одежду... — она напрягла и без того сморщенный лоб.

Я судорожно сжимал и разжимал за спиной кулаки.

— Нет, не помню, — наконец сказала она и тут же добавила, — но я могу Вам сказать имя ее мужа.

Я почувствовал, как бледнею. Признаться, я все эти годы не исключал такого поворота событий, но сейчас я точно остолбенел.

— Ее мужа зовут Николай Латухин. Конечно, — гордо говорила она, — я не могла забыть такого блестящего офицера. Вот с ним бы и я согласилась поехать в провинцию, но, конечно...

— В Балахну! Ее муж! — пробормотал я, не веря своим ушам. Не дослушав и даже не попрощавшись с удивленной дамой, я стремительно отправился куда-то побродить.

Долгие годы я не решался брать в руки тетрадь. Да и к чему теперь все это? Записи, друзья, званые обеды... Я целиком погрузился в светскую жизнь, мною овладела жажда деятельности. Мой

дядя по матери пристроил меня на службу в Департамент горных и соляных дел, которая отвлекла меня от мрачных мыслей. Я стал быстро продвигаться по служебной лестнице. Семьи у меня не было, начальству это было только на руку, так как я никогда не отказывался поехать по долгу службы в любой уголок нашего огромного государства.

В мае 182... года дела забросили меня в Казань — татарскую волжскую столицу. Там я встретился со своим старым знакомым, но не другом, Евграфом Лебедевым. В один из жарких майских вечеров мы с ним сидели на веранде его дома после весьма обильного ужина. Разговор шел о казенных делах, о ценах, потом плавно перешел к вопросам современного образования (у Лебедева были дети, старший из которых учился в Петербурге):

— Как можно говорить об образовании, если нравы у нас в России стали таковы, что всякий там мещанин может спокойно лгать на дворянина и к его слову будут прислушиваться чиновники, при этом — сами мещане, — возмутился он, — что делать, скажите, в таком случае?

— Помилуйте! Быть того не может, — не поверил я.

— Ах, не может? Ну, погодите, — с этими словами он встал и вошел в дом.

Вернувшись минут через пять, он подал мне исписанные листы со словами:

— Прочтите, мой друг, не поленитесь, это по вашей части, а я пока велю подать нам чего-нибудь выпить, и снова скрылся в доме.

Мне потребовалось с полчаса, чтобы вникнуть в суть написанного, что поразило меня до крайности. В городе Балахне имелись рассольные трубы и варничные места, где производилась добыча и выварки соли, которые оспаривали между собой мой знакомый — Евграф Алексеевич Лебедев и балахнинский купец — Яков Петрович Латухин. Упоминание этой фамилии вызвало во мне неприятные воспоминания. Из написанного следовало, что Яков Латухин являлся отцом Латухина Николая.

Когда вернулся Евграф Алексеевич, я ему как бы невзначай сообщил:

— Ты знаешь, много лет назад я был знаком с одним Латухиным.

Мой собеседник чуть не поперхнулся:

— Да ты что?

— Ей Богу! С этим Николаем я служил в одном полку. — сказал я и с удовольствием выпил предложенное мне вино, но если бы я знал, что последует далее, я бы тысячу раз подумал, чем что либо произносить, но было уже поздно. Лебедев буквально вцепился в меня обеими руками и заговорил:

— Так ты ж для меня суший клад, прямо подарок судьбы. — его радости не было конца, — выручай, друг. Съезди туда. На дорожку денег дам, не поскуплюсь, в накладе не останешься. Как кость в горле у меня эти Латухины. Засудили, денег высосали прорву.

— Да что же я-то смогу, — попытался возразить я, но он не уступал:

— Да что ты! Все проще простого! С твоими-то талантами и делов на три дня. Выручи! Вовек не забуду, — молил он.

На меня быстро подействовали его уговоры и даже не потому, что хотелось помочь хорошему знакомому, в доме которого я угощался неплохим вином, а совсем по другой причине — мне очень хотелось увидеть его, моего друга лихой молодости...

Да, Лебедев даже не знал, что не у него одного Латухины стояли в горле. Это был мой шанс, подарок судьбы, как сказал Лебедев. Я должен был поквитаться с ним. Я ждал этого слишком долго, так долго, что даже стал опасаться, что злость утихнет, пройдет, забудется, но теперь я вдруг ощутил ее еще явственнее, что она жила во мне, разрасталась и окрепла настолько, что я готов был ехать в незнакомый мне город только затем, чтобы раз и навсегда покончить с ним.

Сборы мои были недолгими. Прощаться, кроме как с Лебедевым, мне было не с кем.

Июнь 182... года случился на редкость жарким. Путешествовать в такую пору в легкой коляске было довольно удобно. Изредка налетавший легкий ветерок приятно освежал лицо. Думалось легко, и сердце было полно радостного ожидания...

Дела, которыми мне предстояло заняться, представлялись не сложными, мной овладевало нетерпение и предвкушение чего-то необычного.

Вскоре мы уже въезжали на окраину Балахны. Такой я себе ее и представлял: типичная деревянная застройка, главки многочисленных церквей, неширокие довольно грязные улочки. До соборной площади, кстати единственной площади в городе, мы доехали очень быстро. Мое внимание привлекли остатки рва, некогда бывшего, вероятно, крепостным, в некоторых местах залитые водой и густо поросшие по краям растительностью. Собор внушительного вида с часами на колокольне был построен, скорее всего, еще в начале прошлого столетия, явно не был шедевром архитектуры, но сложен был добротнo с соблюдением, как и повсюду в России, основных православных канонов.

Дела я решил отложить до завтра и велел кучеру править по большой дороге. Улица была довольно многолюдной, моя лошадь перешла на шаг, извозчик порядком подустал и наглым образом пялился на прохожих, верно смекнув, что я никуда не тороплюсь и полностью занят своими мыслями.

Думал ли я, что снова увижусь с Николаем? Скорее всего, да. Думал и не просто думал, а мечтал об этом. Прослышав об его отставке, я весьма удивился: его бурная энергия всегда не давала ему покоя. Сейчас по моим расчетам он должен был быть в Балахне. К нему-то я и собрался, но прежде решил осмотреть город, о котором был наслышан от Николая, где он прожил детские годы и который в его сознании оставался по-детски самым красивым и родным. То, что предстало моему взору, мало походило на детскую сказку, я даже улыбнулся и хотел совсем было рассмеяться, но мое веселье было резко прервано воплями моего возницы. Я чуть было не выпал из коляски, настолько силен был толчок. Мой возница решил, видимо, свалить вину на парня, везшего на телеге какие-то доски. Паренек растерялся, начал поправлять свою поклажу, съехавшую с телеги, но возница не унимался. Неожиданно подскочила агрессивного вида бабенка, решившая заступиться за нерасторопного парня. Ее ругань с моим возницей достигала сво-

его апогея, когда на помощь бабенке, в ней не нуждавшейся, пришли две ее подруги. Создававшаяся ситуация становилась угрожающей. Мой возница, несмотря на его значительный опыт в делах подобного рода, начал быстро сдавать позиции. Неприятные слова начали сыпаться уже и в мой адрес, не желая быть побитым, я решил немедленно покинуть поле разгоравшегося боя.

Спрыгнув на землю и с трудом пробравшись сквозь толпу, собравшуюся вокруг нас и решившую, вероятно, сорвать злобу за неудачное утро на моем вознице, я не торопясь двинулся по главной улице города, надеясь встретить хоть одного разумного жителя.

Надежды мои вскоре оправдались. Около одного из домов я увидел старика, благообразного вида, мирно сидящего на лавочке. Меня привлекла возможность присесть и поговорить.

— Здравствуйте, — учтиво с поклоном сказал я.

Дед от неожиданности вздрогнул, но даже не поднял на меня глаз.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять — старик был слеп. Но несмотря на это, он не вызвал у меня чувства жалости. Его лицо было сосредоточенным, лоб напряжен, он над чем-то размышлял.

— У вас сегодня базар?

— Точно, базар, значит пятница, а суд назначен на четверг.

— Какой суд? — с интересом спросил я.

— Известно какой, по соляному делу.

— По соляному... — я был удивлен, но подумал, что в этом городе, вероятно, живут одни солепромышленники.

— Чего тебе понятно? — дед не на шутку разозлился — Лебедевский наушник, штоль? Надоели вы мне! Поди отсюда.

Дед с силой сжал свою увесистую палку, на которую опирался, и мне даже показалось, что он вот-вот намахнется ей на меня.

— Что вы, — я смутился и тут же поймал себя на мысли, что не смогу доказать свою непричастность к их делу, поэтому сказал только:

— До свидания, — и медленно встал и уже сделал несколько шагов, как услышал:

— Погодь. Ты откуда сам-то будешь?

— Из Ярославля, — не моргнув глазом, соврал я.

Старик подумал и спросил:

— Не из соляного ли Департамента?

— Нет, я цеховой, по колокольному делу.

— Пошто в наши-то края забрел?

— Дела привели в Нижний. Заказ в монастырь привез, а в Балахну заехал к другу, воевали вместе в Финляндии, — ложь получила на мой взгляд, такой складной, старик, по-моему, был не больно сметлив, и я продолжал разговор в непринужденном тоне.

— Уж не у Кульнева ли? — оживился старик.

— У него, — тут же удивился я дедовской осведомленности, а он, как видно, был рад моему удивлению:

— Как же, слыхал... А как фамилия приятеля твоего? Я в здешних местах почитаю всех знаю, поди восемь десятков живу здесь.

— Латухин Николай, вот только по отчеству не припомню.

Дед оживился настолько, что повернул ко мне свое незрячее лицо, переложил свою палку в левую руку, правую подал мне и с гордостью сказал:

— Тогда будем знакомы — Яков Петров Латухин — отец его превосходительства кавалера Николая Яковлевича Латухина. Я даже опешил, но руку подал:

— Рад, рад, очень рад. Как повезло, не мог и ожидать. Ну, как он? Уже превосходительство?! Молодец! Где он сейчас-то? Как бы мне увидеть его? — я уже тараторил. Меня охватило нетерпение, и я был готов сорваться, но старик вмиг охладил меня:

— Уехал в Нижний, дом, вишь, строит, не сидит на месте, как я в былые годы.

— Значит разминулись. А когда приедет? Старик, видя мое нетерпение, усмехнулся:

— Не спеши, будет к вечеру, увидите. А он, верно, тоже рад будет, — тут дед призадумался и, как бы спохватившись, проговорил:

— Будешь до вечера у меня гостем. Потолкуем, а там человека пошлем к Николаю. Согласен?

— Конечно, весьма рад приглашению, — на моем лице играла улыбка.

Мы сидели за столом, покрытом холщовой, сильно выбеленной скатертью, вышитой райскими птицами и гроздьями ягод. В центре стола пыхтел самовар. Яков Петрович сидел напротив меня и без умолку рассказывал:

— Вот такие дела, сударь мой, паршивые дела пошли нынче. Дожили прямо сказать до пришествия этих демонов на святой город наш. Солью ведь жили издревле, почитай еще до татар варили ее, родимую. А куды мы без нее!? Нищета, одно слово — нищета, — старик пошамкал беззубым ртом и продолжал:

— А осели мы, Латухины, здесь еще при царе Алексее Михайловиче, а то и ранее, — мерный звук его голоса лился просто, уверенно, будто сказ этот он повторял уже не в первый раз.

— Родитель мой, царствие ему небесное, — дед перекрестился на красный угол, — был в нашем городе царь и бог, а ведь начинал по копейке собирать капиталы и силу свою. Железный мужик был, столп, весь в делах сроду, вишь, даже пороть нас, детей, времени не было. А родился он еще в то время, когда царь наш — император Петр Алексеевич — со шведами воевал. Вот было времечко, — старик даже заулыбался своим мыслям.

А нонеча что? — крепко стукнул кулаком по столу, даже чашки зазвенели. — Что нонеча ирод этот казанский выделывает?!

Тут старик и вовсе сник, его руки еще больше задрожали, а в пустых глазницах я увидел слезы. Дрожащими губами он почти прошептал:

— Через него... одолела слепота меня.

Мое удивление было столь велико, что я промолвил громче, чем надо было:

— Как через него?

Старик только закрыл руками морщинистое лицо. Ждать, пока старик придет в себя, как ни странно, пришлось всего минуты две, не более.

— Прости слабость мою старческую, силы не те, что ранее. Дело тут, знаешь, вот в чем...

Едва он переступил порог, я уже точно знал, что это Николай, мой друг, с которым мы не раз делили кров, о многом говорили в редкие свободные минуты, делились планами на будущее. Мы не виделись около 15 лет, но я узнал бы его и через 20 и через 30 долгих лет. Мне достаточно было увидеть его глаза, поэтому я не смутился, увидев морщины на его лице и седину в волосах.

Я медленно поднялся:

— Здравствуй, Николай Яковлевич!

От неожиданности он не мог произнести ни слова и глупо переводил взгляд с меня на своего отца. Яков Петрович, почувствовав неловкость сына, встал и в свою очередь представил меня:

— Коля, к тебе гость. Мы с ним тут чайку попили, про Кульнева покалякали. Хороший человек, друг твой, повидаться приехал. Ну, вы тут поговорите, а я прилягу пойду, устал — и он медленно направился к двери, нащупывая дорогу своей палкой.

Тут появился, вероятно, слуга старика, молодых лет светловолосый парень.

— Увидимся еще, — на ходу молвил старик.

— Благодарю покорно, Яков Петрович, думаю, увидимся сказал я в ответ.

Слуга увел старика Латухина и бесшумно прикрыл дверь. Николай так и стоял у двери, с трудом приходя в себя.

— Давненько не видались... Здравствуй! — медленно произнес я.

— Какими судьбами в наши Палестины? — Николай все-таки обрел дар речи.

— Удивлен? — с некоторой издевкой осведомился я.

— Весьма удивлен, не скрою. Ты по делу, случайно или ко мне, точнее к нам специально? — говоря это, Николай прошел в комнату. Но садиться не стал.

— Может обнимемся? Или не рад встрече? — я ждал его ответа с каким-то внутренним злорадством. Мне доставляла удовольствие его растерянность. Он явно не знал, как ему вести себя со мной.

— Смотря за чем приехал... Коли старое ворошить?

— Глядя какое старое. А коли приехал вспомнить, как мы французов били?

— Если только за этим? — не поверил он.

— Думаешь такую даль приехать за этим не смог бы? По себе людей меряешь? Ты бы ни за что не поехал!

Нервы у Николая, как я заметил, стали сдавать:

— Хватит в игры играть, выкладывай, — тяжело дыша, он присел на скамью у стены. Да, он был уже не тем неугомонным, лихим молодцем.

— Сдаешь, Коля, силы не те? — он уловил в моих словах нескрываемое злорадство и тут же встал:

— Ты выводешь меня из себя. У меня был трудный день. Да и рана в голове все чаще ноет, — попытался он оправдать слабость.

— Как же, знаю, рана...

Мы смотрели друг на друга как неприятели, в любой момент готовые к битве.

Пересилив себя, Николай, видимо, решил сменить тактику. Чуть помедлив, он крикнул слугу и велел подать вина и закусок.

— Может так, мы сумеем спокойно поговорить, отдохнуть, сбросить усталость. В былые времена это здорово помогало, помнишь? — он посмотрел на меня теперь уже совсем другим взглядом.

— Согласен, присядем, — я сел и решил принять его игру.

— Говоришь все о делах, ну а в сердечных как? Надеюсь, счастлив? — словно невзначай спросил я.

— Конечно, счастлив: жена, дочка Аннушка.

— Рад за тебя. Как Тереза Ивановна живет? — здравствует?

— Здравствует. Дом для них строю. Конечно, это тебе не Петербург, но, как говорится, дым отечества нам сладок...

— Ну точно, дома лучше, только у кого? Не в ее же Отечестве?

— Полно, брат, со мной ей везде хорошо.

Его самоуверенность взбесила меня настолько, что я не выдержал:

— Амурные дела, конечно, хорошо, но как дела с вашими соляными заводами?

Он вмиг переменялся:

— Что он тут тебе наболтал, про суд что ли?

— При чем тут твой отец? И без него наслышан. Ну, да ладно, давай лучше выпьем на дорожку. Пора мне.

— Как пора? Подожди, еще посидим, — он явно почувствовал что-то неладное и теперь хотел повыспросить у меня, что именно я знаю и что-нибудь еще...

Расставшись с Николаем, я вышел из дома старого Латухина и направился по улице. Встретив первого прохожего, я спросил его нужную мне улицу и по указаниям, данным мне в Казани, вскоре нашел нужный мне дом, где проживал титулярный советник Степанов, поверенный в соляных делах Евграфа Алексеевича Лебедева. Он оказался немолодым, но довольно проворным человеком. После приветствий и краткого знакомства господин Степанов провел меня в скромно обставленную гостиную.

— Рад, рад, очень рад. Черт возьми, мне явно не помешает помощь в этих соляных дебрях. Ведь это черт знает что! В одних бумагах рассольная труба значится за одним владельцем, по планам Департамента соляных и горных дел — за другим. Где истина, а где нет, поверьте мне, человеку довольно много покопавшемуся в этих соляных документах, сейчас установить просто не-воз-можно. — рассказывая все это, он почти бегал по маленькой гостиной, широко размахивая руками.

— Ведь это настоящее балахонце! — с чувством воскликнул он.

— Что, простите? — я удивленно посмотрел на него.

— Балахонце, говорю, болото. Сущее болото и есть, залезть-то залезешь, а вот выбираться как!?

— Ну что Вы. Выход найдем, всенепременно найдем.

— Вашими-то устами... — изрек он с ухмылкой.

Он подошел ко мне вплотную и почти шепотом произнес:

— Все это мы не раз обсуждали с господином Лебедевым. И что, Вы думаете, он решил? — он выжидающе посмотрел на меня, но только пару секунд, и сам же ответил на свой вопрос:

— «Мне все равно, как ты это сделаешь, но те трубы, которые сейчас использую — Большая Попадья и Толстуха Большая, лучшие трубы Усоляя — должны быть закреплены за мной и моими детьми». Вы подумайте! Каково! Это господину Лебедеву хорошо из Казани так рассуждать, а каково мне здесь?! — он был в отчаянии.

Наконец-то Степанов присел и с мольбой в голосе сказал:

— Помогите мне, Бога ради! Я как загнанный конь, умаялся.

Мне стало его жаль, и я решил его немного успокоить:

— Господин Степанов, именно за этим я сюда и приехал.

Конечно, Вы думаете, что я не в силах это дело решить. Кое в чем вы, безусловно, правы, но кое-что, может быть, мне и удастся.

— Дай Бог, дай Бог, — обрадовался он хоть какой-то возможности решить это дело. Его манера чередовать обращения то к черту, то к Богу явно соответствовала его непоседливости и шибутному характеру.

За легким ужином Степанов поведал мне подробности распри между Латухиным и Лебедевым.

Проснувшись утром, я наметил план дня, надеясь, что он принесет мне удачу. Я вступал в схватку, которой ждал многие годы. За завтраком Степанов суетился, давал мне советы по поводу того, как мне вести себя с балахонскими солепромышленниками:

— Друг мой! Только не напирайте на них. В вашем представлении, они, может быть, люди и маленькие, но, знаете ли, имеют чувство собственного достоинства и немалую гордость, — говоря это, он, вероятно, причислял к ним и свою персону.

— Успокойтесь, господин Степанов, я ведь тоже невысоко да и дела подобные веду не в первые, — заметил я, но было за что я его не убедил.

— Я еду в Нижний, — при этих моих словах Степанов чуть не подпрыгнул.

— Как в Нижний? Зачем? Я оббил там все пороги, совсем разорился на взятках, — он опять вскочил и замахал руками. — это бесполезно, как Вы не поймете.

Уговаривать его у меня не было времени, поэтому я лишь сказал:

— Положитесь на меня, — вышел, сел в приготовленную для меня коляску и укатил в губернский город.

Как представитель Департамента я был принят в соляном отде-

лении Казенной палаты весьма любезно. Узнав, по какому делу я приехал, меня сразу ознакомили с делом господина Лебедева. Вокруг меня суетился не только управляющий, но и три канцеляриста, готовые ответить на любой мой вопрос. Однако, рассмотрев бумаги, я принял столь сердитый вид, что канцеляристы бледнели, а управляющий краснел.

— Это как же так? Как вы позволяете вытворять такое. Соляной Департамент ратует за развитие заводов, за увеличение налогов с них в казну, а вы тормозите работу. Столько лет не можете решить дело! — накинулся я на них.

— Милостивый государь, позвольте, да в этом деле и сам черт не разберется, напыжился управляющий.

— А придется разобраться, иначе... — я посмотрел на него, ожидая увидеть хоть тень испуга на лице. Мой маневр удался: он весь как-то сник.

— Помилуйте, сударь, — едва вымолвил он. Но теперь его нужно было подбодрить.

— Конкретных указаний дать не могу. Уверен, справитесь сами, но и тянуть с делом далее не позволю, — твердым голосом сказал я.

Опершись обеими руками на его стол, я медленно встал и со словами:

— Всего доброго, господа, надеюсь, скоро увидимся. — я медленно удалился.

Вернувшись к вечеру того же дня в Балахну, я решил следующий визит далее не откладывать. Узнав от Степанова, что Николай Латухин уехал снова в Нижний, я поехал к Терезе — его жене. Сотни раз я представлял себе нашу встречу и всегда по-разному. Я рисовал ее в своем воображении, то неприступно холодной, то несчастной с нелюбимым мужем. К их дому я направился пешком. Привратнику я велел доложить о себе, как о знакомом ее мужа, надеясь, что обо мне она не подумает. Но я ошибся, вероятно, Николай рассказал ей о моем приезде.

Человек открыл передо мной двери небольшой гостиной, и я уверенно вошел, сразу увидев ее, стоявшую у окна в голубом атлас-

ном платье и в накинутом на плечи черном кружевном шарфе, концы которого свисали почти до пола. Голубой цвет всегда удивительно шел ей, подчеркивая бездонность голубовато-серых глаз.

Стараясь не смотреть мне в глаза, она любезно произнесла:

— Здравствуйте, сударь. Николай Яковлевич сейчас в отъезде. Вы к нему?

Только теперь она подняла на меня глаза, надеясь увидеть не того пылкого влюбленного юношу, а умудренного годами господина.

— Отчего же? Я к Вам, — мой ответ был настолько резким, что она крепко сжала спинку кресла, но как ни странно, я заметил именно это она и ожидала услышать от меня.

— Я ни в коей мере не хотел нарушать вашу счастливую семейную жизнь. Я приехал в Балахну по делам и мой визит приличия, не более того.

Своей фальшивой речью я хотел не обмануть ее, а посмотреть, чувствует ли она себя виноватой или хотя бы смущенной. Цель моя была достигнута. Она была просто переполнена раскаянием. По ее подрагивающим рукам, по бледности лица я подметил, что она близка к обмороку. Неожиданно для себя я понял, что не люблю ее больше. Моя горечь и злоба на ее предательство убили во мне все другие чувства. Даже если бы она сейчас бросилась к моим ногам и стала бы молить о прощении, я бы даже не шелохнулся, чтобы поднять ее с колен. Я понял, что не чувствую теперь к ней ни-че-го. Это озарение поразило меня настолько, что в сердце, до сих пор любящее и терзавшееся ревностью, медленно вползла пустота.

— Прощайте, — только и сказал я и быстро покинул дом, принадлежавший людям, когда-то сделавшим то, что не смог сделать ни французский, ни шведский солдат — убить меня.

На улицу я вышел опустошенный, без единой мысли. Лил дождь плаща на мне не было, но меня это не смущало. Мне омерзителен стал этот город, эта жизнь. И что в сравнении с этим какой-то дождь который скоро кончится, а моя душевная боль — нет.

Я жил в Балахне уже вторую неделю. Постепенно в моем сознание стал входить смысл сказанных Степановым в первую нашу встречу слов. Это действительно было болото. Постройки города теснились на возвышенных местах, вокруг которых было обилие воды в виде маленьких рек, озер, болот. Отдельные улицы и слободки соединялись между собой мостиками, которых было не малое число. Место для города было весьма невыгодное. Кроме того, как мне рассказывал Степанов, весной Волга сильно разливалась, причем в некоторые годы так буйно, что залитыми водой оказывались практически все улицы, и жители плавали по городу, как истые венецианцы. Правда, я, слава Богу, этого еще не пережил, но когда начались дожди, грязь была страшная, из дома не хотелось казаться и носа. С годами я стал чувствительным к переменам погоды. По временам появлялись боли в пояснице и ломота в суставах, и настроение в такие дни у меня сильно портилось. На меня нападали тоска и уныние. Именно в один из таких дней ко мне в комнату без стука влетел Степанов:

— Разрешили! Слава тебе Господи! Разрешили! Читайте же скорей!

Он сунул мне в руки гербовую бумагу с печатью Нижегородской Казенной палаты.

— Сам советник управляющего соляного отделения господин Веселовский изволил разрешить. Читайте же скорей!

— Пробежав глазами довольно пространное описание дала, я в конце концов прочитал решение: «Господину Лебедеву солеварение впредь до решения суда разрешить».

— Это решение еще неокончательное, а временное, — разочарованно произнес я и подал ему бумагу, но он не унимался:

— Помилуйте! Да Вы только один раз туда съездили, и вот результат — лед тронулся, решение последовало в нашу пользу. Господин Лебедев будет очень Вами доволен, — он разве что не прыгал от радости, — Вы что думаете, суд завтра и решит дело? Ха-ха! Да не подумает еще лет 10—20, — он поискал глазами иконку в моей комнате, но вспомнив, что ее тут никто не вешал, перекрестился на пустой правый угол и сделал глубокий выдох:

— Помогла заступницы Богородица и Вы батюшка. — он, видимо, хотел перекреститься на меня, но вовремя одумался и, взяв мою руку в свои стал беспощадно ее трясти, приговаривая:

— Спасибо, спасибо, спаси Вас Бог! Дорогой Вы наш!

Я с трудом перенес этот приступ радости и без того шумного Степанова.

— Очень рад, — только и произнес я и двинулся к дверям.

На этом записи в тетради прекращаются. Половина листов осталась неписанной. Подписи ни в конце текста, ни в начале тетради не было.

В богато убранной зале, находящейся в верхнем этаже двухэтажного каменного особняка в уездном городе Балахне, на диване восседал пожилой господин в полковничьем мундире. У окна стояла его дочь, девушка лет шестнадцати, в изумительном платье, вышитом на коклюшках из черного гаруса и надетом на голубой атлас. Мужчина держал в руках толстую тетрадь, обтянутую коричневой кожей. Тетрадь была закрыта. Рядом лежало прочитанное письмо.

— Осип! — крикнул мужчина.

Дверь сию секунду открылась:

— Что угодно, Николай Яковлевич?

— Кто это привез? — спросил Латухин, показав на тетрадь.

— Человек какой-то, видно посыльный.

— Иди. — махнул рукой Латухин, и рука его тут же бессильно упала на колено.

Девушка подошла к отцу, присела рядом и погладила его по руке.

— Что Вас так взволновало, папенька? Вам же доктор запретил заниматься делами, оставьте это, — она хотела было взять письмо, но Латухин опередил ее, быстро встал и нетвердой походкой пошел к дверям, в одной руке держа письмо, в другой кожаную тетрадь. Девушка пробежала, открыла перед ним дверь и попросила:

— Папенька, не мучайте меня.

Николай Яковлевич грустно улыбнулся и произнес:

— Успокойся, Аннушка, все хорошо. Я поработаю в кабинете часок, а ты позаботься об ужине. Чай, не забыла, что гости у нас сегодня будут.

Анна никак не могла забыть этого. Долгожданными этими гостями был ее жених — Михаил Иванович и его друзья. Она уже оделась к ужину и села у окна ждать, как вдруг принесли эту ужасную тетрадь, и отец долго читал ее. По мере прочтения записей настроение Николая Яковлевича ухудшалось. Анна даже заметила, как сильно он побледнел. Но лишь она открывала рот что-то сказать ему, как он махал на нее рукой, призывая помолчать. Закончив читать тетрадь уже во второй раз, он откинулся на спинку дивана и закрыл глаза. Состояние отца сильно встревожило Анну, но она боялась своим замечанием вызвать его гнев. Вот теперь он ушел, и Анна решила, наконец, распорядиться об ужине. Вызвав прислугу, она тоном хозяйки, распорядившейся в доме, приказала:

— Стол сегодня накроешь и на шесть персон...

Далее последовало подробное описание блюд к ужину.

Обилию книг в кабинете Николая Яковлевича мог позавидовать любой книголюб. В книжных шкафах лежали не только печатные книги, но и свитки — рукописи XVII—XVIII веков. Эту богатейшую библиотеку стал собирать еще дед Николая Яковлевича, первый из Латухиных, кто научился грамоте. Шутка ли, сам Карамзин — знатнейший в России собиратель древних книг и рукописей, создавший «Историю государства Российского», прознав о собрании Латухиных, писал к Николаю Яковлевичу с просьбой передать ему наиболее ценные из них и в первую очередь «Степенную книгу». Николай Латухин долго не хотел расставаться с этим уникальным памятником русской словесности, но делать нечего. Отдал. Каково же было его удивление, когда он узнал, что Карамзин, будучи человеком честным, не присвоил эту рукопись себе, а объявил ее Латухинской. И с тех пор сей список «Степенной книги» стали называть не иначе, как Латухинский, и Николай Яковлевич не мог скрыть гордости за свой род, столь чудно прославившись в среде знатоков и любителей российской истории.

Однако, войдя в свой кабинет на этот раз, Николай Яковлевич, даже не взглянул на свои сокровища. Едва присев в кресло, он стал перечитывать письмо.

«Дорогой мой, бесценный и единственный друг!

Пути Господни неисповедимы! Знал бы я тогда, когда мы с тобой в финской деревушке целыми вечерами говаривали о нашей будущей жизни, о твоём родном городе, что все случится так, как случилось потом?

Но за грехи мои, за гордыню неумную, за безверие мое послал Бог мне такое испытание, каковое испытать я не пожелал бы самому ненавистному врагу моему! Зная, что мы более не свидимся на этом свете, взываю к тебе!

Друг мой! Лишь только по окончании войны я узнал о твоей женитьбе, ум мой помутился, и месть огнедышащим змеем вползла в душу мою. Она жила во мне и плодилась долгие годы, куда не смогла найти жалкую лазейку, которую я, многогрешный, отверз для нее. Я решился погубить тебя и все твоё семейство. Мой лжедруг – искуситель указал мне путь к тебе, и вот я поехал к тебе. Соль была лишь поводом, за который ухватился мой горячечный ум. Волею судьбы я служил в соляном департаменте, и задача моя представлялась мне наилегчайшей – разорить тебя. Мне это не удалось, и не потому, что я плохо обделал свои дела у вас там, а просто потому, что ваша знаменитая соль кончилась. Господь Вседержитель прикрыл своей дланью источник благосостояния вашего. Выходило, что я зря старался, напрасны были труды мои. Уже тогда после встречи с тобой и твоей женой в душе моей зародилось еще неясное осознание глупости моей. «На что направил ты силы свои душевные? – вопрошал я себя, — На то, чтобы уничтожить, сломать жизнь дорогих тебе людей за то, что они живут не так, как хочешь ты, а по-своему?» Я не смог создать семью, оставить потомство, и все только из-за злости и зависти своей.

Поверь мне, друг любимый, раскаяние пришло ко мне! Теперь грешная душа моя стремится только к одному: снискать твоё прощение перед уходом в мир иной. На одре смерти я прошу у тебя –

не питай злости в сердце твоём, не сей семена греха и не лелей их в себе, как делал я грешный.

Прости меня и попытайся понять всю боль мою душевную.

В знак своей искренности я посылаю тебе сию тетрадь, чтобы ты мог увидеть всю низость, коей были напитаны душа и сердце мое. Отдаю всего себя на строгий суд твой.

Я желаю тебе и семье твоей многих благ. Молюсь за вас и прошу у Бога для Вас и для себя прощения!

Твой друг, а ныне инок Пафнутий».

Глаза слезились, то ли от чтения, то ли от дум невеселых.

«Вот как случилось все!» – думал Николай Яковлевич. Он чувствовал себя старым и разбитым. В горле застыл тяжелый ком, который никак не хотел двигаться. Латухин откашлялся и проговорил себе:

— Кто из нас не без греха?

Он вспомнил жену свою ненаглядную, покойницу, старика отца своего, умершего от удара сердечного, теперь он – друг милый, ушел от него. Латухин неожиданно впервые осознал, что к нему приближается старость и уже где-то рядом бродит смерть. Да, инок Пафнутий!

Сам Николай не смог бы расстаться со светской жизнью и уйти в монастырь, но ее слишком любил, да и на кого оставить дочь? Правда, скоро у нее будет своя семья. Все равно, не схимник он (думал о себе Николай Яковлевич), но память о себе в сердцах людей он оставить должен, как сделали родитель и дед его, чтобы люди могли молиться за них грешных (самим то некогда было за делами их).

Он вновь взял письмо, прочел: «Твой друг, а ныне инок Пафнутий».

— Пафнутий. Как там его? – прошептал Николай Яковлевич, напрягая мысли свои, — основатель Покровского монастыря...

Он быстро стал перебирать груды бумаг, лежащую ровной стопкой у него на столе, уложенную заботливой рукой единственной дочери.

— Вот она, слава Богу! — воскликнул Николай Яковлевич, рассматривая прошение балахнинцев об основании в подклети Никольского храма церкви в честь основателя мужского Покровского монастыря. Первые же строки прошения подтвердили его догадку (память еще не подводила его):

«...в память об основателе прежде бывшего здесь монастыря иеромонахе Пафнутии...»

Латухин тут же взял чистый лист и стал писать:

«Его преосвященству

Преосвященнейшему Амвросию епископу Нижегородскому и Арзамасскому

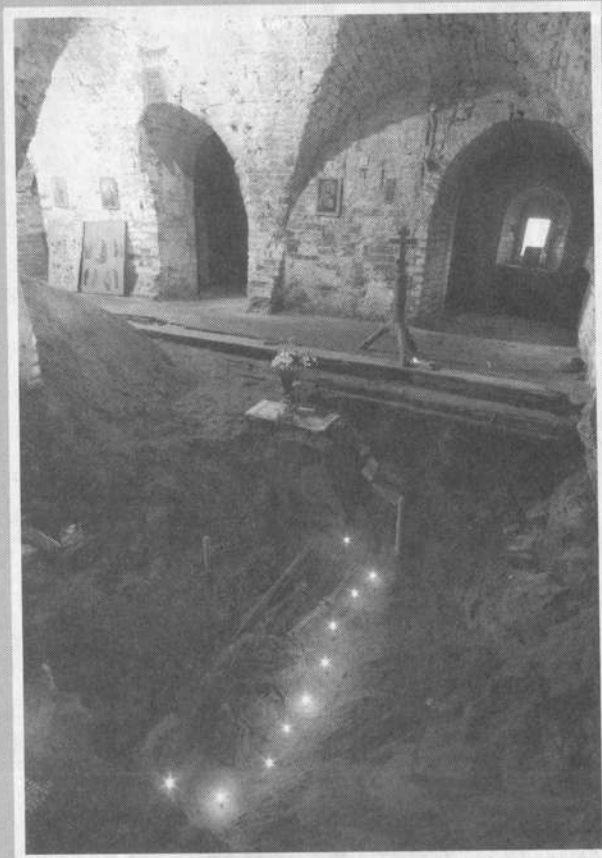
Военного советника Николая Яковлевича Латухина

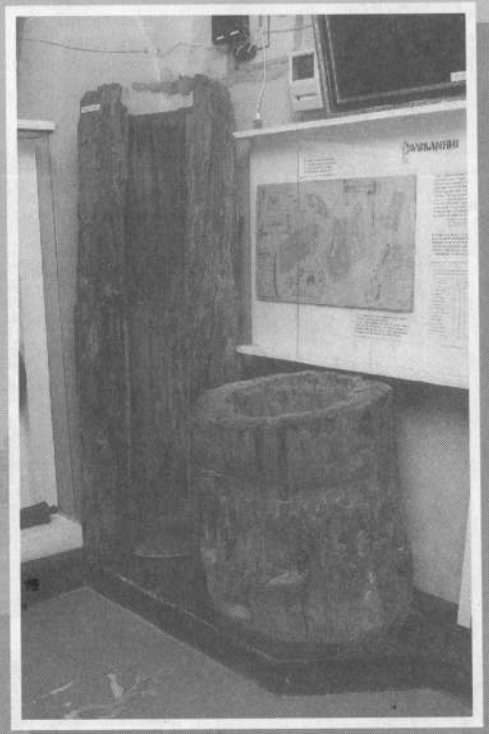
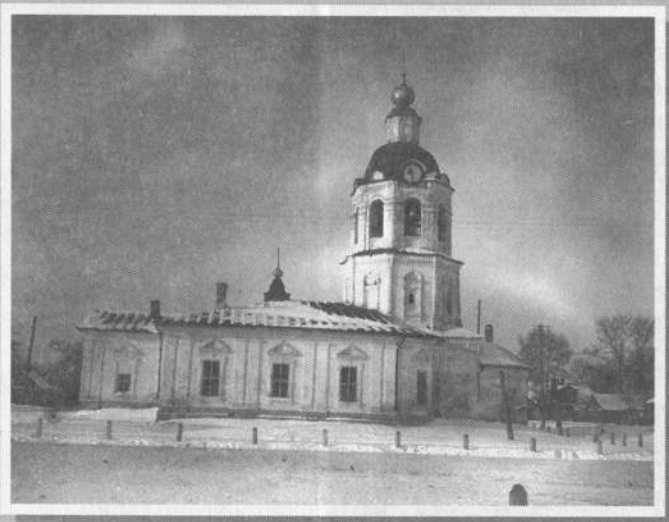
Покорнейшее прошение

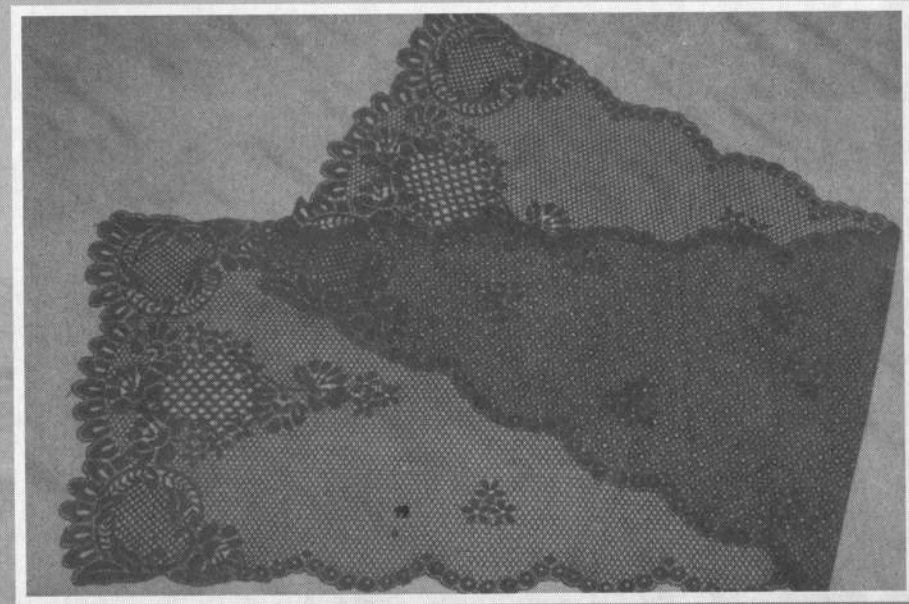
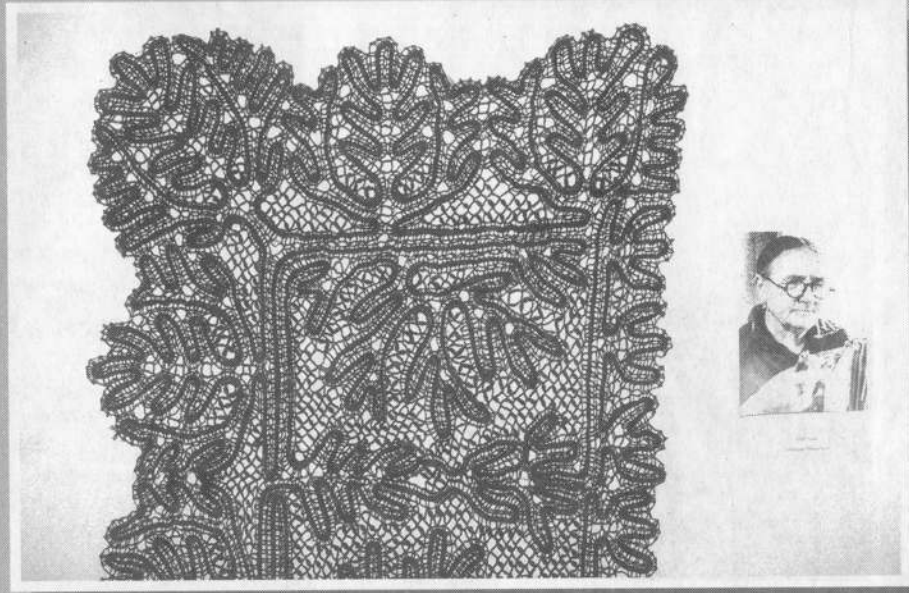
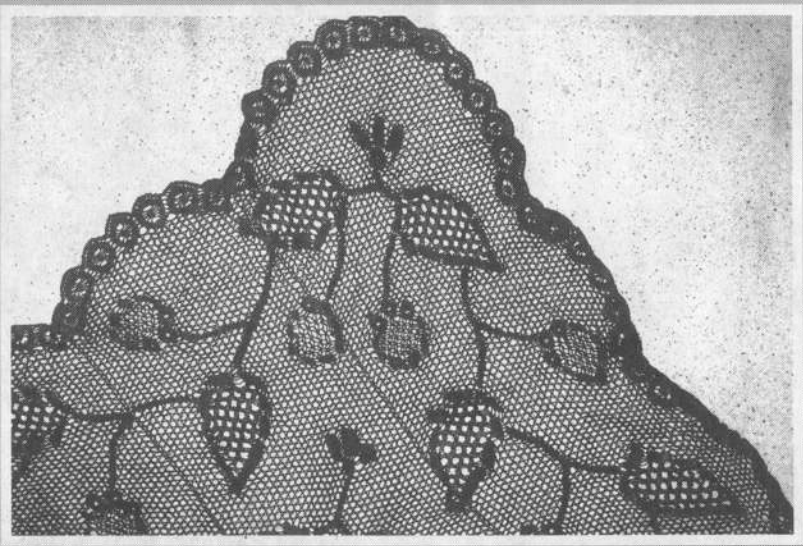
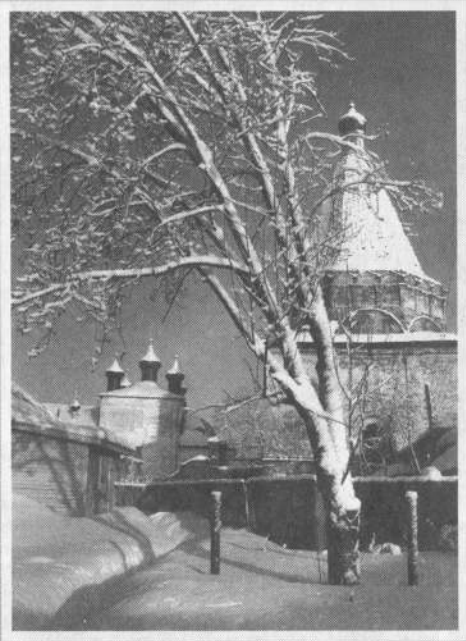
Балахнинское Дворянское сословие и граждане, всегда движимые непоколебимым усердием ко храмам Божиим, пожелали внутри нижнего алтаря Балахнинской Покровской церкви, где в древние времена существовал Покровский мужской монастырь устроить церковь под Никольской церковью во имя Святого Пафнутия».

— В память о тебе, незабвенный друг милый, инок Пафнутий, — прошептал Латухин, и слеза некогда бравого офицера упала на бумагу как раз на слово «Пафнутий». Буквы тут же расплылись.

— Придется переписать, — пробормотал он и взял другой лист.

СОДЕРЖАНИЕ

С исследовательской страстью	4
Об основании Балахны	6
Соляные промыслы и солепромышленники балахны	9
Основные даты из истории Балахнинского солеварения	15
Из церковной жизни	
Балахны в XVI-XIX веках	17
1. Церкви в Балахне в XVI—XVIII веках	17
2. Балахнинский Покровский мужской монастырь и его основатель иеромонах Пафнутий	18
3. Церковь и образование в Балахне в XVIII-XIX веках	22
4. Церковь и старообрядчество	27
Церковное солевладение в Балахне	30
Дело о «погоревшей» Расшиве	34
Балахнинский купец первой гильдии Петр Семенович Латухин	37
«Его превосходительство» — балахнинский купец	42
Балахна в период царствования Николая I	48
Балахнинский меценат	52
Михаил Иванович Гриневич	55
Городские часы с боем	59
Колокольный завод Чарышниковых в Балахне	61
О славных делах картонщиков	72
Балахнинские Минины	75
Умолкший звон балахнинского стекла	79
Соляное дело	84
Из дневниковых заметок чиновника департамента горных и соляных дел	85

Мария Карташова

КРИСТАЛЛЫ БАЛАХНИНСКОЙ СОЛИ

Очерки по истории Балахны

*Издано при содействии ЧП «Борисенко В.Э.»
(свидетельство № 6834)*

Художественное оформление Максима Георгиева

Корректор Виктор Бакланов

Оригинал-макет подготовлен компьютерным центром

ГЖО «Воскресенье»

Руководитель Сергей Кабанов

Сдано в набор 24.07.2002, подписано в печать 11.12.2002.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Объем 7,5 п.л.
Тираж 1000. Заказ № 1685

ISBN 5-88528-303-6

ВОСКРЕСЕНЬЕTM — зарегистрированная торговая марка

ООО ИИА «Евразия+»

125993, Москва, А-40, ГСП-3, ул. Правды, 24.

Тел.: (095) 257-33-15

Факс: (095) 257-39-46

www.voskres.boom.ru

e-mail: voskres@naukanet.ru

Отпечатано в московской типографии № 9,
109033, г. Москва, ул. Волочаевская, д. 40, тел. 362-89-59